

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

НОВАЯ ЭРА

АЛЕКСЕЙ ШИРОКОВ

СССР 2010

ПИОНЕР - ТЫ В ОТВЕТЕ
ЗА ВСЁ!..

ЗНАЧИТ, СНОВА В БОЙ

Алексей Викторович Широков
СССР 2010. Пионер
– ты в ответе за всё!
Серия «СССР 2010», книга 3
Серия «Фантастический
боевик. Новая эра»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70026091

*СССР 2010. Пионер – ты в ответе за всё!: Издательство АСТ; Москва;
2024*

ISBN 978-5-17-160421-9

Аннотация

Иногда судьба поворачивается спиной к человеку, несмотря на все усилия. Вот и Семён Чеботарёв, по прозвищу Чобот испытал это на себе. Мало того, что его начинания пошли прахом, так ещё обвинили в плагиате, а сеть ларьков с шаурмой хочет отжать племянник кандидата в ЦК партии. А тут ещё бандиты устроили онлайн-казино, а Семён такие вещи терпеть не мог с прошлой жизни, вот и вмешался со всей пролетарской ненавистью, что им очень не понравилось, и за головой Чобота явился убийца. С такой жизнью, казалось, самое время забиться куда-нибудь под камень и не отсвечивать. Но сдаваться Семён не собирался, ибо

кому как не ему знать, что только он сам в ответе за всё. А это значит – снова в бой, покой только снится.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	44
Глава 5	57
Глава 6	69
Глава 7	83
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Алексей Широков СССР 2010. Пионер – ТЫ В ОТВЕТЕ ЗА ВСЁ!

© Алексей Широков, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

Глава 1

– То есть вы обвиняете меня, что я украл вот это?! – я в очередной раз вчитался в строчки стихотворения, пытаюсь понять, как именно его можно притянуть к фразе «И Ленин такой молодой, / И юный октябрь впереди!», и в раздражении отшвырнул брошюру. – Да бред же!

По высокой комиссии, собранной, чтобы обсудить глубину моего морального падения, пронесся дружный возмущенный вздох. Оно и понятно, все уже было решено, виновный назначен, но почему-то вместо покаяния смеет сомневаться в своей виновности. А ведь против него такие люди!

Возглавлял судилище Максим Захарович Лаптев, тот самый лысоватый мужик из райкома, который обещал помочь с записью альбома на киностудии. Соврал, кстати. Я звонил пару раз, он отговаривался, мол, давай попозже, дел много, и в итоге съехал с темы. Зато сейчас раздувает ноздри в гневе с таким видом, будто я его в лучших чувствах обманул.

Рядом с ним примостилась старая знакомая, Ирина Олеговна Зайцева, что принимала меня в комсомол. Она тоже сидела с осуждающей гримасой, в точности повторяющей выражение лица райкомовца, но в глазах то и дело проскальзывали злорадные и торжествующие искорки. Оно и понятно, она так и не смогла простить, что ее невероятно важное мнение проигнорировали. Теперь мстит как может.

Тут же сидел виновник сегодняшнего торжества, если это можно так назвать, Аристарх Митрофанов. Импозантный дядька лет семидесяти, в строгом костюме и со взором горящим, поглядывающий на меня с долей сочувствия, понимания, но и осуждения. Это был как раз тот самый автор стихов, обвинивший меня в плагиате. В конце семидесятых Аристарх, тогда еще Матвей, тихий бухгалтер заштатной конторы, издал пару брошюр стихов.

Стишата получились откровенно говенными, я успел полистать страницы, уровень рифмы в них был типа «пальто-полупальто». Зато они были идеологически правильными, пропитаны торжеством коммунистической идеи и осуждением проклятых капиталистов. Так что Митрофанова не только издали, но и приняли в Союз писателей, где он быстро занял должность в парткоме.

Следующие тридцать лет Аристарх не писал. Некогда было. Он следил, чтобы другие писатели не сбивались с пути истинного, и даже дослужился до секретаря партийного комитета Новосибирского областного отделения Союза писателей РСФСР. Должность куда как солидная, по сути, ставящая Митрофанова во главе всей идеологической работы с населением, так что Аристарх привык, что с его мнением считаются, и тут такой конфуз. Какой-то школьник взял и нагло украл его стихи! Правда, что именно я там украл, я так и не понял, но ход мыслей облеченного властью деда мне был понятен. Как и то, от чего возбудился и райком партии, и

райком комсомола. Скандал мог разразиться колоссальный, и требовалось погасить его в зародыше, уничтожив главную причину, то бишь меня.

Директор с завучем выглядели скорее ошарашенными, шокированными, чем сердитыми. Просто не могли поверить, что то, что еще вчера казалось им невероятной удачей, обернется полным провалом. Теперь можно было попрощаться не только с премией или тринадцатой зарплатой, но и скорее всего с работой тоже. Допустить такой позор, тут даже строгим выговором не отделаешься. Хорошо если просто с должности снимут, но судя по настроению райкомовского начальника, так просто они не отделаются. Тот жаждал крови, но меня даже из школы выгнать не могли, потому что плагиат не являлся поводом для этого. Так что отдуваться предстояло Ивану Сидоровичу.

Ближе всех ко мне сидели Ромка и Алена Михайловна, наш школьный комсомольский вожак. И если Еремин был хоть и хмур, но собран и настроен решительно, то секретаря комитета изрядно потряхивало. Ведь это она инициировала мое вступление в комсомол, а значит, и всех собак на нее и повесят. Ромке тоже достанется, и о карьере по партийной линии он может забыть, но при этом ни он, ни Яковлева виновным меня не считали. Правда, их никто не слушал, как и меня собственно. Я же сидел и думал, как вообще попал в такую ситуацию. Хотя если подумать, ничего удивительного в этом не было, недаром таких как я называли попаданцами.

Началось все, когда в далеком еще две тысячи пятьдесят каком-то году я залез в новейшую капсулу виртуальной реальности, разработанную моей компанией, а открыл глаза в две тысячи десятом, вернувшись в свое же молодое тело. Казалось бы, чего переживать. Да, дома осталась семья, но денег им хватит до конца жизни внуков и правнуков, а у меня появился шанс начать все с начала, но как в том анекдоте, имелся нюанс. Вокруг меня раскинулся Союз Советских Социалистических Республик, переживший лихие девяностые, которых тут, кстати, не было, и вполне неплохо себя чувствовавший.

Но на этом новости не заканчивались. Кроме живого и здравствующего во втором тысячелетии Союза, в этом мире нашлись и некие энергеты. Люди, способные использовать внутреннюю энергию организма, чтобы творить удивительные вещи. Естественно, моим первым порывом было узнать, а как, собственно, все так обернулось. И долго искать не пришлось.

Как и положено, катализатором изменений стал Тунгусский метеорит. Если у нас кроме громкого хлопка пару раз, вздыбившейся земли и поваленных деревьев, он не отметил, то тут эффект был гораздо глубже. Взрыв небесного скитальца разорвал ткань мира, выпустив в него неких демонов. Уж не знаю, были это обитатели изнанки мироздания или жили в другом мире, ученые ответа еще сами не знали, но они обладали особыми возможностями, и людям очень по-

везло, что их было не так много. А вскоре и некоторые люди пробудили у себя схожие способности, что со временем кардинально изменило картину мира.

К метеориту и последовавшим за его взрывом событиям проявил интерес весь мир, и как бы тогда еще Российская империя не пыталась скрыть информацию, вскоре весь мир знал и о пришельцах из других миров – «демонах», и об энергетках. Так прозвали инициировавшихся людей. Впрочем, мелкие прорывы происходили в разных частях света, но в целом пока никакого влияния на ход истории эти факторы не оказывали. Но эффект накапливался, и с началом Второй мировой, а точнее Великой Отечественной, грохнуло!

Дело в том, что часть «демонов» оказалась разумной и сумела передать людям свои методики развития. Человеколюбием они не отличались, и молодое советское государство категорически отказалось от подобных практик, объявив их вне закона и сосредоточившись на планомерном, но медленном развитии. А вот та же Германия, хоть официально тоже осудила в буквальном смысле людоедские методики, тем не менее активно их использовала, потому что они позволяли очень быстро «прокачать» энергетов, повысив их ранг.

Сначала в ход пошли евреи и цыгане, потом пленные поляки и прочие югославы. А когда началась Великая Отечественная, нацисты перестали стесняться, отправляя на убой тысячи и сотни тысяч славян. Только вот их встретили ряды советских энергетов, пусть не таких сильных, но гораздо луч-

ше подготовленных, ведь плавное, последовательное развитие дает возможность гораздо глубже изучить свои способности. А главное – их было много. Куда больше, чем разочаровавшихся на чужих смертях фон баронов.

То, что в моем мире случилось в небе, повторилось на земле. Метод побил класс. Как и асы Геринга, каждый фашистский энергет был очень силен, но и его гибель серьезнее отражалась на общей картине войны. А советские, не такие сильные и опытные, потеряв какое-то количество человек, быстро подтянулись до уровня врага и начали его громить. Да так успешно, что закончили войну на год раньше, и это если считать с японской кампанией. Тем тоже досталось на орехи за все делишки отряда 731, и, потеряв Квантунскую армию, джапы шустро легли под американцев. И можно сказать, что именно Вторая мировая стала той самой точкой отсчета, от которой изменения в мире пошли лавинообразно.

Сталин не умер в марте пятьдесят третьего. Пусть сам он энергетом не стал, но советские врачи, вооруженные новейшими техниками, смогли подлечить его, да так, что он до сих пор жил где-то в Абхазии на любимой даче. Лаврентий Павлович тоже не спешил на тот свет, и поговаривали, что старая гвардия до сих пор курировала и ЦК, и КГБ, не давая тем расслабиться и зажраться.

Дальше – больше, под давлением Берии в Союзе была принята «Красная книга» Анатолия Ивановича Китова, а также введен единый стандарт аппаратной разработки ЭВМ. Им

выбрали «Сетунь» – машину на троичной логике, спроектированную в вычислительном центре МГУ. Единая государственная сеть вычислительных центров стала прообразом знакомого мне интернета и повлияла на то, что именно СССР доминировал в сети, продвигая свои стандарты и решения. Это повлияло и на экономику, так как обманывать приписками и липовыми отчетами стало гораздо сложнее, ЭВМ знали всё.

Но только этим реформы в экономике не ограничились. Все большие обороты набирало движение кооператоров. Целые предприятия уходили на хозрасчет, артели ширились, росло частное предпринимательство, чему способствовала либерализация экономики. Конечно, никто не собирался отпускать вожжи, как сделали в Китае, фактически скопировав капиталистическую экономическую систему при коммунистическом управлении. Но все же для частников открылись новые, ранее невиданные, перспективы. А тут еще ученые дали жару.

Возможности энергетов значительно расширяли доступный людям арсенал. Врачи буквально на коленке могли заново собрать человека. Биологи с помощью особых техник исследовали животных, даже смогли воссоздать, казалось, потерянные навсегда виды. Нет, динозавров оживлять не стали, настолько далеко все же шагнуть не удалось, но я охренел, когда узнал, что по тундре снова бродят мамонты. Да, их пока было не так много, да и не собирался никто заниматься

их промышленным разведением, зато вот протобизоны, гигантские олени и прочая мегафауна оказалась как раз кстати.

Под воздействием животных-эдификаторов тундра постепенно превращалась в мамонтовы прерии, и теперь Заполярье являлось крупнейшим поставщиком мяса в мире. А в зоопарке можно посмотреть на настоящего шерстистого гиганта, ради которого отгрохали огромный вольер. Надо сказать, я не верил в это, считая байками, ровно до тех пор, пока его там не увидел лично. Мамонт... впечатлял. Хрен знает, как древние предки справлялись с этим зверем, я бы к нему не полез даже с большой голодухи. Да у него один бивень весит больше, чем весь я!

А еще те самые прорывы ткани мироздания или реальности, тут уж кому как больше нравится, не совсем прекратились. О них и раньше особо не распространялись, а сейчас и вовсе вся информация оказалась под грифом «Секретно». Но факт остается фактом, демоны по-прежнему лезли в этот мир. А к ним присоединились нацистские недобитки, что нашли убежище в США и прочих Аргентинах, японские садисты, которых тоже никто не осудил на родине, американцы, многое перенявшие у немцев и на словах осуждавшие демонические методики, а на деле активно их использующие. И вся эта дрянь активно мешала жить советским людям. С ними боролся КГБ, но иногда чекисты не успевали, и тогда были жертвы. Или рядом оказывался один молодой и симпатичный паренек, решивший заняться спортом, тут уж как

повезет.

Вот в такой интересный мир я и попал. И естественно, как любой порядочный попаданец, первым делом тут же начал воровать идеи из своего мира. А что, кушать что-то надо, так почему бы и не воспользоваться бонусом послезнания. Вот и я как приличный человек тут же принялся наносить соотечественникам добро и причинять справедливость. Ну как я ее видел, то бишь повышать собственное материальное благополучие.

Первым делом с помощью учителя физики Александра Сергеевича Родионова, он же руководитель кружка робототехники, соорудил 3D-принтер. Естественно, пластик в катушках к нему никто не продавал, поскольку даже на Западе только велись разработки по созданию первых моделей, так что пришлось заодно делать и машину, которая плавил бутылки и выплавляла шнур нужной толщины. Скажу сразу, я не настолько хорош в проектировании и механике, так что большую часть работы взял на себя Родионов, я же занимался только ПО и прошивкой. Но в итоге все получилось, вызвав бурный восторг всех, кто видел, как на пустом месте создается трехмерная фигура.

Также параллельно мы с одиннадцатиклассником Михаилом Романовым по прозвищу Хомяк принялись создавать свой твиттер, который обозвали «Птичкой». Овладеть нюансами местных языков программирования мне помог случай, так что всего за какой-то месяц у нас был готов рабочий

прототип. Я даже умудрился разрекламировать его космонавтам, которые приехали на встречу со школьниками, правда из этого ничего не вышло, взять его на космическую станцию им не позволили.

Кроме этого, я совершенно случайно обнаружил невероятную погрешность в работе этого мира – в нем не было шаурмы!!! Никакой! Даже самой поганой, с кетчупом и майонезом. И шавермы тоже не было. Одни пирожки, беляши да чебуреки у теток из лотка. Нет, они тоже были качественные, беляши в смысле, не тетки. Никто не играл в популярную игру моего детства – купи на вокзале три беляша и собери кошку. Тем не менее душа требовала привычной еще с молодости жратвы, так что пришлось организовать с помощью одного знакомого сеть быстрого питания, где продавалась качественная шавуха. Заодно и маму уговорил уйти из столовой и возглавить новый кооператив, кому им рулить как не повару с многолетним стажем.

К сожалению, все мои начинания рассыпались прахом. На сеть шаурмы наехал племянник кандидата в ЦК партии, бодаться с которым мы не могли физически, так что пришлось закрыться. Я надеялся, что временно, но тут как карта ляжет. В регистрации принтера отказали под странным предлогом. Сдаваться я не собирался, но поможет ли мне знакомый из конторы глубокого бурения, я тоже не знал. «Птичка» без рекламы подвисла, люди просто о ней не знали, так что и этот проект встал колом. Но я все равно не отчаивался, как у

любого порядочного попаданца у меня был козырь, который я сейчас активно разыгрывал – песни из своего мира.

Сразу говорю, Высоцкого петь даже не пытался, во-первых, потому что у меня стадо медведей польку-бабочку три недели на ушах плясали, а во-вторых, Владимир Семенович за это мог и леща дать. Если я не ошибаюсь, на данный момент он имел ранг кандидата в Мастера, от пагубных пристрастий излечился, служил худруком Театра на Таганке, много ездил по стране с выступлениями, частенько мотался за границу, а количество изданных дисков у него перевалило далеко за полтинник.

Другой вопрос, что далеко не все знакомые мне исполнители и авторы слов и музыки существовали в этой версии реальности. Например, не было Николая Николаевича Добронравова с женой, Александрой Николаевной Пахмутовой. Уж не знаю, как сложилась их судьба, но никаких упоминаний об этих людях мне найти не удалось. Правда, нормального поисковика типа вражеского Гугля в СССР не имелось, но Справочное бюро работало хоть и медленно, но надежно. И вот оно выдало справку, что людей с такими именами не существует. Как и некоторых других, кого я проверял.

Давало это стопроцентную гарантию, что меня не поймают? Нет. Мало ли, может, тот же Юрий Востров, автор песни «Черные глаза» так же работает в Гостомельском аэропорту под Киевом, просто никому свое творчество не показывал. Может такое быть? Да запросто! Это попаданцам в шестиде-

сятые хорошо, копируй то, что написали за следующие сорок лет да, выдавай за свое. А я что принесу? Бабку Инстасамку, которая в свои шестьдесят все еще на сцене силиконовыми сиськами трясет и вопит про свою пусси? Или этого, как его... который выглядит, будто его собаки драли, но бросили и только обоссали. У меня дети пару раз включали его треки, я кроме слова «сука» там никаких знакомых звуков не услышал. Боюсь, меня бы за это выпнули из страны быстрее собственного визга.

В итоге я постоянно боялся, что меня разоблачат. Ладно там какой-нибудь Баста, который тут появиться не мог по определению, но вдруг я ошибся и где-нибудь в глубинке сидит тот же Добронравов, который, услышав свои стихи, поднимет бучу. Не то чтобы меня интересовала мирская слава или популярность, я вполне мог бы прожить и с клеймом плагиатора, но все же не хотелось бы, ибо песни были моим активом, который я собирался превратить в деньги. И когда ко мне подошла Зосимова, у меня сердце упало, последний шанс заработать таял на глазах. Я и Ленке ничего не ответил, что ее добило окончательно, и шел сюда как на расстрел. Но теперь, глядя на отвратные вирши старого му... поэта не мог понять, они серьезно подозревают меня в плагиате этого?!

Глава 2

– Бред, – повторил я, бросая брошюру со стихами на стол.

– Выбирайте выражения, молодой человек! Ты комсомолец. *Пока еще...* – хлопнула по столу ладонью Зайцева, выделив голосом последние слова. – И находишься не с друзьями в шалмане или где там подобные тебе собираются, а в приличном обществе! И вести здесь себя надо соответствующе! Хотя, думаю, ты даже не понимаешь, что это значит. Я сразу, сразу была против его вступления в комсомол, и если бы не...

– Это просто какой-то позор, – тяжело вздохнул райкомовец Лаптев. – А ведь я уже доложил наверх. Сам товарищ Васнецов заинтересовался и приказал срочно выпустить диск. И что теперь? Что я ему скажу? Что ничего не получится, потому что малолетний сопляк не нашел ничего лучше, чем украсть чужие тексты?!

– Подождите... – робко начал директор, но его перебил сам Аристарх Митрофанов, до этого со скорбным видом кивавший в такт словам партийных и комсомольских работников.

– А я считаю, что не стоит торопиться, товарищи, – выглядел секретарь парткома Союза писателей сейчас, как добрый дедушка, внуки которого устроили очередную шалость, и их надо бы отругать, но при этом видно, что он их сильно лю-

бит, только вот я на такое давно не велся, самые крупные радости в моей жизни были сделаны именно такими людьми. — Все мы были молоды, и все ошибались. Партия учит нас, что людям нужно давать второй шанс. Я не обижаюсь, сам когда-то горел творчеством, мне казалось, что я могу взять чьи-то стихи и сделать их лучше, и тогда старшие товарищи указали мне, что это ошибочный путь. Вот и сейчас мое мнение, что надо простить юное дарование, если, конечно, он осознает свою вину, извинится, и... вернет то, что украл.

— Хм... — задумался Максим Захарович, барабанил по столу пальцами, а затем будто расцвел. — Если вы так считаете, Аристарх Владленович, тогда никаких проблем не будет! Можно не останавливать запись диска, просто изменить имя автора стихов! Это же отлично, товарищи!

— Но подождите, разве мы можем оставить такой проступок безнаказанным?! — естественно, Зайцева не могла меня просто так отпустить. — Если он уже начал с воровства, что будет дальше?

Вчера он крал сигареты, сегодня песни, а завтра продаст капиталистам родину.

— Я думаю, не стоит бросаться такими громкими словами... — снова попытался вмешаться Иван Сидорович, но его опять перебили.

— Наказать, конечно, надо, но на первый раз можно ограничиться выговором. — Представителю райкома партии хотелось побыстрее закончить это дело, чтобы не поднимать

волну. — Вы, конечно, правы, Ирина Олеговна, но все же это наш подопечный, а кто как ни партия и комсомол должен воспитывать и направлять молодежь на правильный путь, указанный нам товарищами Марксом, Лениным и, конечно, нашим вождем, дорогим Иосифом Виссарионовичем Сталиным! Комсомольский комитет школы и лично товарищ Яковлева допустили серьезную ошибку, не проверив все как следует. И мы их обязательно накажем, но, возможно, Иван Сидорович захочет взять провинившихся на поруки? Все-таки это в его коллективе случилось такое происшествие, а отказываться от коллег и воспитанников недостойно настоящего коммуниста.

— Конечно! — закивал директор. — Мы никогда от своих учеников не отказываемся, каждого стараемся перевоспитать и сделать достойным гражданином советского общества. И с Аленой Михайловной давно работаем. Она зарекомендовала себя как грамотный сотрудник, которого уважают и коллеги, и дети. Оступиться может каждый, главное понять, в чем ошибка, раскаяться и так больше никогда не делать. А Семен, он раскаивается. Сильно раскаивается. Правда ведь, Чеботарев?

— Да как вам сказать, — я пожал плечами. — Вы верно подчеркнули, для раскаяния нужно осознать свою ошибку. И вот с этим у меня большие проблемы. Я просто не понимаю, как вы умудрились вот это притянуть к моим песням. То, что и там и там есть слова Ленин и юный октябрь, никак не до-

казывает факта плагиата.

– То есть ты хочешь сказать, – обманчиво мягко начал райкомовец, обогнав уже раскрывшую в гневной отповеди рот Зайцеву, – что член партии с многолетним стажем, уважаемый член Союза писателей и более того, секретарь парткома этой организации лжет?

– Ни первое, ни второе, ни третье не является абсолютной гарантией честности и порядочности, но я не говорил, что товарищ Митрофанов лжет, – я не собирался играть в их игры. – Скорее речь идет о недопонимании. Не спорю, он раньше использовал данное словосочетание, но у нас оно дано в совершенно разном контексте, так что речь о каком-либо плагиате идти не может. Даже если предположить, что между этими произведениями есть связь, что еще надо доказать, то максимум, о чем может идти речь, это о заимствовании или отсылке. Аллюзии, если угодно, но уж никак не о воровстве или плагиате.

– Нет, вы посмотрите на него!!! – не успел я закончить, как тут же взвилась Ирина Олеговна, заставив остальных присутствующих, внимательно меня слушавших, вздрогнуть. – Ты что несешь, сопляк?! Ты обвиняешь уважаемого товарища во лжи?! Да кто ты такой, чтобы рот открывать на заслуженного артиста Советского Союза?! Да как ты смеешь?! Вот! Вот до чего доводит цацканье с такими, я не побоюсь этого слова, отбросами общества! И это ему вы хотели дать второй шанс?! Да на нем же клейма ставить негде! Нет, вы как хо-

тите, товарищи, а мое мнение, что Чеботарева надо гнать из комсомола поганой метлой! Я еще тогда была против, чувствовала в нем гнилое нутро, но сегодня, вы меня извините, но это ни в какие ворота не лезет!!!

– Я бы попросил выбирать выражения! – видимо, не только я офигел от такой экспрессии, даже обычно спокойный и интеллигентный Иван Сидорович повысил голос. – Чеботарев никого не обвинял. Его возрасту свойственны резкие, бескомпромиссные суждения, и про поведение мы с ним еще поговорим, но доля истины в его словах имеется. Я, конечно, не член Союза писателей, но русский язык и литературу преподавал больше двадцати лет. И тоже не уверен, что тут имеет место именно плагиат.

– Ну если учитель литературы так говорит, тогда, конечно, мне здесь больше делать нечего, – закатил глаза Аристарх и поднялся. – Товарищи, я хотел решить этот вопрос по-тихому, как старший товарищ, так сказать, но вижу, что и сам молодой человек, и школьная комсомольская организация, и даже директор категорически не хотят признавать свои ошибки. Что ж, хорошо. Тогда увидимся в другом месте. Думаю, в обкоме партии я найду поддержку и понимание.

– А при чем тут обком, – я пожал плечами, – увидимся в суде. Я сейчас иду в прокуратуру, пишу заявление о клевете. В рамках уголовного дела, а клевета это уголовное преступление, если вы не знали, тексты отправят на лингвистиче-

скую экспертизу, которая точно установит, являются ли они плагиатом или хотя бы заимствованием. И вот когда будут результаты – мы с вами еще раз встретимся. А до этого момента я считаю любые собрания бесполезными и даже вредными. Как минимум потому, что кое-кто не умеет держать себя в руках. А я не мальчик для битья, чтобы меня всякие хабалки, неизвестно как пробравшиеся в райком, поливали грязью.

– Что ты сказал?! – визг Зайцевой мгновенно достиг ультразвука. – Ах ты, щенок, как ты смеешь разевать свой вонючий рот на меня?! У меня двенадцать лет комсомольского стажа, а ты кто такой, сопляк, чтобы меня оскорблять?! Я на ближайшем же заседании поставлю вопрос о твоём исключении! Нам в комсомоле такие не нужны!

– Да подавись, – я под ошеломленными взглядами собравшихся швырнул на стол членский билет, а сверху бросил значок. – Состоять в рядах организации, где подобные вам, не разобравшись, накидываются на человека, а правота в споре измеряется стажем, я не хочу. Не знаю, в какую вы тут игру играете, но дальше разговаривать в таком тоне я с вами не собираюсь. Вы устроили судилище, не приведя ни одного доказательства, не дав мне даже попытаться оправдаться, заранее объявив виновным во всех смертных грехах. Да еще Ивана Сидоровича и остальных приплели, как будто одного меня мало. И знаете что, если когда-нибудь Союз развалится, то только из-за таких уродов, как вы, которые сами ниче-

го делать не умеют, зато считают себя вправе указывать другим, как им надо жить. Так что счастливо оставаться, увидимся в суде.

Я поднялся и вышел из кабинета, с трудом удержавшись, чтобы не шарахнуть дверью. Но это было бы ребячеством и несправедливо к учителям. Я запомнил, как Иван Сидорович защищал меня, несмотря на давление со стороны райкомовца и этой крысы Зайцевой. И обязательно отплачу ему и всем, кто поддержал меня, пусть даже тем, что не сказал ни слова. Ведь всегда легче и удобнее присоединиться к толпе, чем даже просто промолчать и остаться в стороне, так что я понимал и завуча, и Алену, которая, по сути, только начала карьеру. И любая ошибка может стоить ей долгих лет на должности школьного комсорга, без шансов на повышение. И все же она не поддержала, так сказать, старших товарище, что радовало.

– Семен, ты что творишь?! – я задумался и не заметил, как за мной выскочил Еремин и, догнав, дернул за плечо, разворачивая к себе. – Ты что, с ума сошел?! Как можно вот так просто бросить членский билет?! Ты не понимаешь, что теперь тебя точно вышибут из комсомола, и все, привет?!

– Я что-то сказал неправильно? – в отличие от Романа, я был абсолютно спокоен. – Романыч, проснись! Я понимаю, что ты планировал построить карьеру, и с этим я тебе сейчас знатно поднагадил, но хоть на секунду сбрось розовые очки. Кроме таких как ты в комсомоле и в партии полно тех, кто

умеет только трепать языком, но самое страшное, что они лезут на руководящие должности. Просто поверь, если когда-нибудь Советский Союз и развалится – то только из-за таких уродов, как Зайцева.

– А я, значит, не такой? – набычился Еремин. – Слушай, Чобот, я много чего от тебя мог ожидать, но только не такой открытой антисоветчины.

– Блин, Ромаха, какая в жопу, антисоветчина?! – Я понимал, что сложно перебить многолетние установки, но все же считал комсорга достаточно разумным, чтобы уметь думать самому. – Если уж на то пошло, большего патриота нашей страны, чем я, найти практически невозможно. Потому что вы все только предполагаете, что с вами могут сделать капиталисты, а я это знаю! Но это не отменяет того, что я вижу не только хорошее, но и плохое. И вот эти балаболы – это самое худшее, что может случиться со страной. Вот скажи, ты планировал идти по партийной линии, но поступать планируешь в технический вуз, так?

– Ну да, – подтвердил сбитый с толку Еремин. – А это здесь при чем?

– Да это ключевой вопрос! – я от избытка чувств хлопнул кулаком по ладони. – Вот гляди. Ты поступаешь в институт, потом едешь куда-нибудь со стройотрядом, так? Параллельно пытаешься стать комсоргом или хотя бы войти в актив. После того как закончишь, у тебя уже будет стаж работы и рекомендации от комсомольской организации. Потом

по распределению идешь на какой-нибудь завод или фабрику. И там уже тоже будешь и работать и расти как комсомолец, ну а потом коммунист. В итоге лет через двадцать вполне можешь занять одну из ключевых должностей, или там директор, или главный инженер, или парторг предприятия. А потом уже будешь решать, уходить выше или оставаться дальше работать на производстве. Я прав?

– Ну да, я сам это рассказывал, – пожал плечами Роман. – И что такого, все так делают.

– В том и проблема, Ромаха, что не все, далеко не все, – я похлопал товарища по плечу. – Ты бываешь на собраниях актива школы и сам знаешь, что далеко не все занимаются настоящими делами. Многие просто отделиваются болтовней и формальными занятиями. Сделать стенгазету, провести пятиминутку политинформации и все такое.

– А чем тебе политинформация-то не угодила, – нахмурился Еремин. – Каждому гражданину Советского Союза важно знать, какую еще гадость готовит проклятый капитализм. Предупрежден – значит, вооружен!

– Проблема не в самой политинформации, а в ее подаче, – я покачал головой. – Больше половины того, что нам говорят – это топорная и неуклюжая пропаганда, не несущая никакого смысла. А еще процентов тридцать – выдумки и фантазии о Западе. И в итоге те крупницы реально важной информации теряются под ворохом пустопорожней болтовни. Но самое страшное не в этом, а в людях, что делают эту трепопо-

логию своим смыслом жизни. Как вот эта Зайцева. Зуб даю, что она кроме комсомола нигде никогда не работала и умеет только молоть языком. И заметь, она уже в райкоме, а дальше, глядишь, и в обком попадет. Все выше и выше. А теперь представь, что все руководящие должности займут подобные ей, кто ничего не умеет делать руками, зато всеми силами пытаются показать свою значимость бесконечным потоком той самой политинформации и иже с ними. Представил?

— Ну как-то не очень, — задумался Роман. — Кто ж таких людей на ответственные должности поставит?

— Да те из них, кто пролез раньше. Рука руку моет, а рыбак рыбака, как известно, издалека видит. — Я пожал плечами. — И в итоге вместо дела будут бесконечные воспевания, как хорошо в стране советской жить, и так далее и тому подобное. Просто потому, что трепологам на местах тоже надо создать видимость работы. И чем дальше, тем больше. Потом пойдут приписки, потому что заниматься делом-то некогда, у нас бесконечные собрания, сходки, съезды, где говорят и говорят, и говорят, а работа стоит. Но даже если что-то и делается, то очень криво и хреново, потому что начальник ничего не знает, кроме воспевания идей коммунизма, а на этом ты нормальный автомобиль не построишь, да и ту же свинью не вырастишь. Ей, животине, вообще плевать, какой строй на дворе, лишь бы кормили вовремя, было сухо, тепло и мухи не кусали. Но если за ней не ухаживать, она сдохнет, а зерно сгниет. Но разве может руководитель-балабол поз-

волить, чтобы его уличили в некомпетентности? Вот и напишет в отчете, что все идет, как надо, даже с превышением плана. А в реальности дела будут идти все хуже и хуже. И вот этот диссонанс, когда своими глазами ты видишь, что в стране полная жопа, а тебе рассказывают на бесконечных партсобраниях, как весело и богато мы живем, именно это и будет концом государства рабочих и крестьян. Понимаешь?

– Этого не может быть в принципе! – жестко отрезал Ромка. – Данные с производств проходят через единую сеть вычислительных центров, а там приписки сразу видны становятся. Ты хоть в отчете миллион свиней напиши, но если сдал сто голов, то так и будет. Разве что посадят за фальсификацию документов. Так что хрень ты полную несешь. Ну ладно, не полную, я понял твою мысль, что во главе должны стоять люди, имеющие образование и опыт настоящей работы.

Но все же идеологическая составляющая тоже важна! И из-за одной... ну ладно, трех, паршивых овец не стоит считать, что все остальные такие же! Я не такой! И мы собирались написать в обком, но ты выпендрился, и теперь тебя вышвырнут из комсомола, и ни я, ни Алена Михайловна ничего сделать не сможем!

– Да вы бы и так ничего не смогли сделать, если я правильно понимаю, откуда ветер дует. – Я тут же вспомнил Галкина-старшего, у которого хватало сил и влияния повернуть такое, а ведь еще был неведомый Барон, и крестный отец иг-

ровой мафии, что послал по мою душу киллера. – Так что не лезь в это дело, целее будешь.

– Знаешь, что, Чобот. – Ромка резко ткнул пальцем меня в грудь. – Иди-ка ты на хрен. Я сам буду решать, что мне делать. Если тебе на свою жизнь насрать, есть люди, которым нет. И это не только я. Мы верим, что ты ничего не воровал, и лично я сделаю все, чтобы это доказать. С тобой или без тебя. Потому что я комсорг и это моя обязанность. А ты иди дальше, жалея себя, психуй, разрушай свою жизнь, дебила кусок, но если сдашься после первой же проблемы – ты мне больше не друг!

Еремин развернулся и зашагал по коридору, а я остался стоять, пораженный его экспрессией. Нет, я и раньше считал, что Ромка нормальный парень, даже когда был полным идиотом и забивал болт на все, он не бросил меня, пытался тащить как мог, но я считал, что это из-за его желания хорошо выглядеть в глазах Яковлевой. Все же от того, что напишет секретарь комсомольской ячейки школы, очень многое зависит в дальнейшем.

Но сейчас он меня поразил хотя бы тем, что считал меня своим другом, несмотря на все наши разногласия в прошлом. И если подумать, он первый и почти единственный, кто сразу поверил в то, что я изменился. Так что даже меня, старого циника, сейчас пробрало. Но и бежать извиняться я не собирался. Комсомол – это неплохо, но и без него люди живут, тем более что еще ничего не закончилось. Я не шу-

тил насчет суда, слава плагиатора мне была категорически не нужна. И я был готов идти до конца, хоть до того самого ЦК партии. Хотя бы потому, что иначе потерял бы уважение к самому себе, а без этого какой смысл жить.

Глава 3

– Это правильно, молодой человек, что вы сразу ко мне приехали, – Иосиф Эмильевич налил чай в чашку и пододвинул ее ко мне. – Но таки могли это сделать и до того, как наворотили дел. Хотя бы позвонить. Я не скажу, что большой специалист в делах комсомола, но кое-что мог бы посоветовать.

– Слишком быстро все случилось, – я поморщился, принимая напиток. – Такое впечатление, что это домашняя заготовка. Всплыла эта история с плагиатом, и сразу бах! И тебе товарищи из райкома партии и из комсомола, и тут же это... Аристарх.

– С Матвеем, значит, познакомились, – кивнул Цемель, наливая чай теперь уже себе. – Замечательно. И как вам?

– Крыса, – я не стал выбирать выражения и вывалил все, что думаю. – Для своих лет, конечно, выглядит импозантно, но прям несет от него гнилым душком. Уверен, он если не инициатор этого судилища, то активный участник. Устроили, блин, плохого и хорошего копа. Я только не понимаю, зачем? Что дало бы, если бы я признал, что пару строчек к песне взял у другого автора? В чем смысл всего этого?

– Эх, Семен, Семен, – укоризненно покачал головой продюсер. – Ты сам не понимаешь, что на тебя свалилось. Да половина поэтов за твои стихи руку отдадут, а другая – обе.

И дело не в том, что ты хорошо пишешь. Уж извини, но половина текстов такой примитив, что мама дорогая. Обнять и плакать. Но при этом все они ложатся на музыку так, что хоть сейчас иди на студию звукозаписи. А это и слава, и деньги.

– Что-то по Митрофанову не видно, чтобы он бедствовал, – я припомнил разодетого словно английский денди парторга. – Да и что сделает одна песня? Стоило мараться.

– Еще как стоило, дорогой ты мой человек, – покачал головой старый еврей. – Где одна, там и две. Или три. Кстати, сколько их там у тебя, мне ты эти записи не показывал. Ведь главное было – тебя зацепить, а там уже раскрутить по полной. Может, отобрать все не получилось бы, но как минимум Матвей соавтором бы стал. А это для него очень много стоит, и главное тут далеко не деньги.

Иосиф Эмильевич перелистнул пару страниц тетрадки, которую я забрал у Ленки, и постучал по ней пальцем. Я молчал, слушая, что скажет старший товарищ. Не то чтобы я не понимал, что двигало Аристархом, но при этом что коммунистическая идеология, что советский шоу-бизнес был для меня терра инкогнито. Да и не советский тоже, чего уж греха таить. А что творится во всех этих Союзах писателей, композиторов и прочей богемы, я даже представить себе не мог. Так что в такой ситуации не грех обратиться к умному и опытному человеку, что варится в этой кухне больше, чем лет этому телу.

– Ты, Сема, написал очень хорошие песни. Правильные,

идеологически верные, такие, как надо. — Цемель перелистнул еще страницу. — И вновь продолжается бой, и сердцу тревожно в груди... да. Готовый гимн стройотрядов, можно сказать. Официально такого нет, так что вполне можно попытаться продвинуть этот вариант. А это уже признание всесоюзного уровня. Такое, какого многие авторы не достигают никогда. А уж Матвейке оно тем более не грозило. Графоман он, и выехал только на теме коммунизма, просто побоялись его срезать. Но с тех пор прошло тридцать лет, но ничего стоящего Митрофанов так и не написал, хоть и закрепился на должности парторга. Но ходят слухи, качается под ним кресло, молодые да дерзкие давят, говорят, неправильно, когда вторым, а может, и первым человеком в отделении Союза писателей сидит пусть заслуженный, но человек без новых произведений.

— И Аристарх решил на моем горбу в рай въехать. — Я чего-то подобного и ожидал, только не думал, что так нагло будут действовать, но и этому было объяснение. — А раз вы говорите, что песня хорошая, могут и народного артиста дать, так?

— Конечно! — прищурился Иосиф Эмильевич, довольный моей догадкой. — Заслуженного Матвей уже лет пять как получил и давно понял, что это, если объективно, его потолок. Но амбиции-то никуда не делись, а тут такой случай! Однако меня больше интересует, почему в райкоме ему сразу поверили и тут же устроили судилище. Вот это не сходится. Мит-

рофанов, конечно, величина, но лишь в Союзе писателей. В райкоме к нему, конечно, прислушаться должны были, но чтобы вот так сразу обвинить тебя в плагиате... не понимаю.

— У меня хватает врагов, которые могли провернуть что-то подобное, — я покачал головой и озвучил мысль, которая появилась еще на собрании, правда там из-за развития событий я даже заикаться о таком не стал. — Иосиф Эмильевич, а может, стоит взять Митрофанова в соавторы?

Таким образом привлечем его на свою сторону и отобьемся от всех обвинений. Что думаете?

— Я считаю, это таки очень плохой ход, — покачал головой импресарио. — Как минимум это даст Матвею ощущение, что он прав. А такие как Митрофанов — это плесень. Если дать ей завестись, а тем более обеспечить питательной массой, они не успокоятся, пока не захватят все что только можно. И ты сам не заметишь, как будешь работать на него. Так что нет, это не выход. Матвею надо дать по зубам, и так сильно, как только сможем. А еще этого бы не случилось, если бы ты сразу показал мне эти тексты.

— Виноват, — я покаянно опустил голову, но тут же поинтересовался: — А что с остальными? Все оформлено, как надо?

— Я иногда поражаюсь вам, молодежи, — тяжело вздохнул Цемель. — Мы такими безалаберными не были. Как сейчас помню, все знакомые поэты первым делом регистрировали авторство. Хотя и скандалов хватало, да. Один у другого идею украл, а в итоге оказалось, что она вообще третьего,

который ее у Шекспира целиком утянул. Да, веселое было время.

– Уверен, что и сейчас так же, – я пожал плечами, потому что знал точно, что люди не меняются, несмотря на время, идеологию и государственный строй. – Но вы правы, что я лопух. В свою защиту скажу, что никогда с подобным не сталкивался и просто не знал, к кому обратиться. Как-то у нас нет нигде памятки, что, мол, если хочешь зарегистрировать авторство стихов или песен – обращайся в Единый государственный реестр, в который ты еще просто так с улицы хрен попадешь. Так что спасибо, что взяли на себя эти заботы. Кстати, есть какие-нибудь данные по людям, что я вам дал?

– Таки нет, ни одного совпадения, – Иосиф Эмильевич отметил тень облегчения, мелькнувшую на моем лице. – И заметьте молодой человек, я таки не спрашиваю, кто эти поцы, хотя по фамилиям могу сказать, шо еще те фармазоны. Трофимов, Круг, Наговицын. Григорьев опять же. С ними могут быть проблемы?

– Будем надеяться, что нет, – я покачал головой. – Но тут такое, человек предполагает, а Господь располагает. Лучше подстраховаться. И нет, этих людей я не знаю, если вы об этом. Просто... как бы объяснить...

– Таки не надо мне ничего объяснять! – всплеснул руками и засуетился на кухне Иосиф Эмильевич. – Я дожил до своих лет только потому, что знал, куда не стоит лезть. А сей-

час мне все нутро орет, что таки это не мое дело, и я ничего не хочу знать! Так и запомните, юноша! Вы спросили, я ответил, кто это, мне не интересно. Я только одного прошу, в свете последних событий. Давайте все проверять до того, как начнем работу, чтобы не бояться последствий.

– Я только за, – поднял я руки, сдаваясь. – Тем более что пока нам репертуара хватит. Есть пара задумок в других жанрах, но там гарантированно проблем не будет. Конечно, было бы проще, если бы я писал стихи, как все нормальные люди, но...

– Я же сказал, что ничего не хочу знать! – повысил голос Цемель и тут же перевел тему: – Скажите лучше, что там у вас получилось с комсомолом. Вы таки, действительно, кинули на стол значок? Или старость уже добралась до моих ушей, и мне послышалось?

– Нет, все верно, – я снова пожал плечами. – Просто в тот момент мне показалось это идеальным вариантом. Оставаясь в комсомоле, я постоянно бы подвергался шантажу. Зайцева, это которая комсомолка из райкома, с самого начала заняла позицию, мол, его надо выгнать. Я понимаю, что в этом спектакле у нее была роль плохого копа, но было приятно выбить ее главный аргумент. К тому же в дальнейшем будет много таких Зайцевых, так что обойдусь. Живут же как-то беспартийные, работают, детей растят. И ничего, никто их в тюрьму кидать не собирается.

– Но и выше определенного уровня их не пустят, – пока-

чал головой Иосиф Эмильевич. – А самое главное, что собрание – это обоюдоострое оружие. При правильном использовании его можно обернуть и против самих чиновников. Но я так понимаю, ты не удосужился записать разговор?

– Честно говоря, даже в голову не пришло, – я был готов дать себе подзатыльник, ведь раньше старался все переговоры записывать на диктофон, а сейчас расслабился, поверил в светлое коммунистическое будущее. – Все как-то слишком быстро завертелось. Я вообще не ожидал, что разговор в таком ключе пойдет, и не подготовился.

– Крайне вам советую, юноша, в следующий раз быть готовым ко всему, – недовольно покачал головой Цемель. – Вы же знаете, как у нас говорят, от сумы и тюрьмы, подстели соломки, глядишь и пронесет. А уже если вы и дальше собираетесь заниматься серьезными делами, стоит стать более внимательным, особенно в делах, где задета партийная номенклатура. Пусть даже самого низкого ранга, как эта твоя... Зайцева вроде. По сути, она никто, но жизнь испортить может. А вот если бы у нас была запись, где она тебя оскорбляет и голос повышает, это был бы солидный козырь. Но чего уж, снявши голову, по волосам не плачут. Кстати, а что школьный секретарь комсомольской организации? Директор, как я понял, на твоей стороне, а он?

– Она, – поправил я продюсера. – Алена Михайловна Яковлева. Двадцать два года, недавно из института, сменила прежнего комсорга на посту. Опыта маловато, боится на-

косячить... ну ошибиться, но в целом рулит школьными делами вполне уверенно. На собрании молчала, но перед ним прямым текстом сказала, что мне верит. Это, конечно, ни о чем, по большому счету только слова, но, как говорится, за неимением горничной, имеют дворника. А вот комсорг класса точно за меня. Как и директор. Иван Сидорович даже на конфликт с райкомовцем пошел, так что на его помощь можно рассчитывать.

– Уважаю, – кивнул Цемель. – Не каждый отважится, большинство предпочтет слить ученика, чтобы самому под удар не попасть.

– Директор у нас мировой мужик, – подтвердил я. – Недавно же он меня до сих пор не выгнал. Раньше я был не подарок, и это еще слабо сказано. Я бы на его месте и меня, и всех таких же поганой метлой вышвырнул из школы, чтобы другим не мешали. А он возился, воспитывал, второй шанс давал... раз десять. Так что на него можно положиться.

– Это уже неплохо, – Иосиф Эмильевич задумался, барабанил по столу пальцами. – И таки знаешь что, Сэмэн? Я таки думаю, что тебя пока еще не исключат из комсомола. Поорут на секретаря школы, на директора, попытаются запугать их, но этим временно и ограничатся.

– Потому что это скандал, а Аристарху невыгодно поднимать сейчас волну? – У меня в голове что-то щелкнуло, и я понял, о чем ведет речь собеседник. – Это... возможно с большой вероятностью, но тут бабушка надвое сказала. Зай-

цева могла и закуситься. Хотя чего мы выдумываем, давайте позвоним и спросим. Я как из школы ушел, телефон отключил, чтобы звонками не донимали. Так что с вашего позволения.

— Конечно! — закивал продюсер. — Нам нужна самая точная информация, чтобы составить план дальнейших действий.

— Тогда звоню, — я включил телефон, и тот разразился писком о пришедших сообщениях и пропущенных вызовах. — Ого! Как я сразу всем понадобился. Ага, Романыч сам звонил, аж семь раз. Остальных не знаю. Сейчас его и набер...

Опережая мои действия, телефон разразился трелью, а на экране появилось имя Еремина. Как говорится, на ловца и зверь бежал. Только вот сдается мне, тут еще не ясно, кто из нас кто. Я понимал, что поступил немного по-свински, сбежав из школы прямо с собрания, но не видел смысла попусту молоть языком. Без консультации со знающим человеком это превратилось бы в пустую болтовню, где меня бы тысячу раз спрашивали, уверен ли я, что ничего не воровал. Кто бы мне ответил на этот вопрос.

Как бизнесмен я не слишком обращал внимание на моральную составляющую, но все равно червячок сомнения в душе шевелился и нет-нет да намекал, мол, а не вор ли ты, братишка? Уверен ли, что без тебя эти песни в этой реальности не появились? Собственно, поэтому я как мог искал каждого автора и исполнителя из прошлой жизни, а также

сами песни. И отказался от огромного количества композиций, что сумел вспомнить, просто потому что был шанс попасть с ними в неприятную ситуацию. Кто ж знал, что беда придет, откуда не ждали. И эту проблему надо было решать, так что я выдохнул и нажал кнопку «Ответить».

– Семен, какого хрена?! – Ромка орал так, что мне пришлось убрать телефон подальше от уха. – Ты куда делся, да еще трубу отключил?! Ты конченный дебил, что ли?! Тебя все ищут!!!

– Проорался? – я с опаской приблизил телефон обратно. – Все – это кто? И зачем я вам так срочно понадобился?

– Ты, блин, издеваешься? – теперь Еремин не орал, а шипел как змея. – У нас ЧП, а виновник вместо того, чтобы решать проблему, куда-то свалил! И если бухать или по бабам, то клянусь, пусть ты Разрядник или даже Архонт, я навешаю тебе таких люлей...

– Да, да, да, – я перебил поток угроз. – Давай по существу. У вас есть вариант решения проблемы, или вы хотели просто языками почесать? Романыч, без обид, но я не думаю, что ты или Алена можете мне чем-то помочь.

– Слушай, Чобот, а ты можешь хотя бы день не быть таким мудаком? – тяжело вздохнул Роман. – Мы тут голову ломаем, ищем выход, поднимаем все связи, а ты...

– А я благодарен, – я сбавил обороты, понимая, что был неправ. – Seriously. Но это не ваш уровень, даже не уровень Ивана Сидоровича. Уверен, наезд на меня идет из обкома

партии, а что против него можно сделать?

– Да много чего! – Еремин хлопнул рукой по парте, и хорошо еще пустой, а не с телефоном. – Написать жалобу на поведение этой с... стервы из райкома. Алена все записала, как та на тебя практически матом орала. Плюс ты сам говоришь, что можно в прокуратуру обратиться...

– погоди, погоди! – перебил я комсорга. – Ты говоришь, Алена записала разговор?! Точно?!

– Да точно, я сам слышал. – подтвердил Ромка. – И если бы ты не умотал...

– Так, стоп! – снова перебил его я. – Через полчаса я буду в школе. Там все расскажу, куда ездил и зачем. Хорошо? Дождитесь меня!

– Чобот, ты охренел в край, – даже опешил от такой наглости Еремин. – Ты то сваливаешь куда-то, выключаешь телефон и от тебя ни слуху ни духу, а то «дождитесь меня». Ты ничего там не попутал?

– Приеду – можешь меня даже стукнуть, но нежно. – Настроение у меня повысилось, и я смотрел в будущее уже гораздо оптимистичнее. – Все, давай. А нет, стой! Скажи, меня уже выгнали из комсомола?

– Нет, ты решительно все берега попутал, – тяжело вздохнул Роман. – Несмотря на твои выходки, нам с Иваном Сидоровичем удалось уговорить не рубить с плеча с этим вопросом. Перенесли решение на следующее собрание, в четверг. Но ты конкретно подставил директора, так и знай.

– Да я и так в курсе, но все решим, – пообещал я. – Все, кладу трубку. Буду через полчаса.

– Таки как я и говорил, шум им не нужен, – удовлетворенно кивнул Цимель, прекрасно слышавший наш разговор, чем-чем, а приватностью сотовые телефоны от «Электроники» похвастаться не могли. – Значит, Матвей не уверен в результате, но оно и понятно. Какой поц скажет, что твои стихи украдены у него, это же небо и земля! И этим надо воспользоваться. Но послушай моего совета, Сэмэн, не торопись идти в прокуратуру. Я сам, без них, закажу лингвистическую экспертизу, есть у меня знакомые на факультете филологии в НГУ. Я с ним переговорю, и мы все тихонечко обстригаем, печатями и всем положенным на крайний случай. Но пока обострять не стоит.

– Предлагаете оставить Митрофанову место для маневра? – я задумался. – С другой стороны, скандал и нам не нужен. Славу плагиатора легко получить, но стереть пятно на репутации потом очень сложно, даже если ты и ни в чем не виноват. Как говорится, ложечки нашли, а осадочек остался. Но вы уверены, что Митрофанов воспользуется этой возможностью?

– Поверь мне, я знал Матвея еще до того, как ты родился, Сэмэн, – одними губами улыбнулся Цемель, а глаза остались серьезными, намекая, что знакомство было не самым лучшим. – Он тот еще трус и, если не удалось сразу надавить силой, попытается договориться. Тем более сейчас, когда пе-

ред ним маячит огромная морковка в виде звания народного артиста. На этом мы и сыграем.

Глава 4

Я стучал по груше, выплескивая накопившуюся злобу и агрессию. Сегодняшний день меня вымотал морально так, что хотелось кого-нибудь убить. Но нельзя, в тюрьму я не собирался. Хотя было бы приятно пожать шею Аристарху или пробить ему двоечку в наглую морду. Я скрипнул зубами и саданул по мешку, усилив удар энергией, от чего тот подлетел чуть ли не до потолка. Пришлось успокоиться и вернуться к обычным ударам, без усиления способностями энергетика. Я хотел выплеснуть злобу, а не сломать оборудование.

– Развлекаешься? – Выгорский, как всегда, подкрался незаметно, но сегодня я даже не дернулся. – Зайди ко мне, разговор есть.

Я тяжело вздохнул и опустил руки. Уж не знаю, чего там хотел Михалыч, но чуйка вопила, что ничего хорошего. Последние дни были богатыми на всякое дерьмо, так что я подсознательно ждал, что еще случится плохого. Тем более что по тренировкам он мог поговорить и здесь, ребята еще переодевались и в зале был только я и пришедший пораньше Вадим. Но тот разогревался, разминая суставы, и к нам не лез. Но деваться было некуда, я выдохнул и пошел в кабинет тренера, настраиваясь на разговор.

– Ну что, сваливаешь? – с ходу огорошил меня Виктор Михайлович, буравя тяжелым взглядом. – А самому сказать

об этом яиц не хватило?

– Чего?! – сказать, что я опешил, это вообще ничего не сказать. – Что за бред? Куда я сваливаю?

– Запрос на тебя пришел, о переводе в СКА. – Давление от взгляда Выгорского было физически ощутимо. – Баранов тебя себе требует. Хороший наставник, армейский спецназ тренирует, минимум двое его воспитанников Архонтами стали.

– А! Вот в чем дело! – до меня дошло, что происходит. – Понятно. Ну дедушка, ну старый сучий потрох. И тут нагадил.

– Вообще попасть к Баранову считается большой удачей, да и попасть к нему непросто, – не совсем логично после своего поведения тут же принялся рассуждать Михалыч, словно убеждая меня, что «хорошие сапоги, надо брать». – Мне даже интересно, что за дедушка такой у тебя обнаружился, что смог туда пристроить. В деле о нем ничего нет.

– Сам недавно узнал, – я мрачно ухмыльнулся и, подвинув стул, без разрешения сел. – На Пасху с мамой ходили на могилу отца, там и познакомились. Может даже знаете его. Некто Калинин, Дмитрий Иванович.

– Ни хрена себе! – А вот теперь пришла пора Выгорскому охренеть, у него даже глаза на лоб полезли. – Ты серьезно?! Если это шутка, то очень плохая! Ты не вывезешь последствия.

– Какие шутки, – я пожал плечами. – Мой отец – Калинин

Павел Дмитриевич. Мама записала меня на себя, без указания фамилии отца, потому что с его матерью сильно поссорилась. Точнее, та пообещала маму уничтожить, если она хоть слово скажет. Не нужна им оказалась невестка-сирота из деревни. Мама даже на кладбище к отцу ходить боялась. А тут все-таки пошли и там с этим старым мудаком столкнулись.

– Ты выражения выбирай, все-таки о герое войны говоришь, – задумчиво нахмурился Виктор Михайлович, но скорее для порядка, чем всерьез. – Хотя лично с ним не знаком, может, ты и прав.

– В смысле может? – скривился я. – Шестнадцать лет ему было насрать, есть я на свете или нет, а тут вдруг смотрите какая забота! Прямо сразу к лучшему наставнику спортивного клуба армии по блату устроил. И главное, сука, аккуратно, как я энергетом стал и сатори обучился управлять. Не раньше и не позже!

– Это тоже да, – согласился Выгорский. – Сам-то что думаешь? Пойдешь? Справедливости ради, у армейцев возможностей больше, чем у конторы. Карьеру махом сделаешь. По деньгам опять же не обидят. Там такой размах, нам и не снилось. Все-таки армия, не хухры-мухры. Да к тому же какая ни есть, а все ж родня. Заботится вот.

– Нет уж, на хрен! – отрезал я, даже не задумываясь. – Я сам себе возможности создам и деньги заработаю! А таких родственников и даром не нужно! Был бы он нормальный –

пришел бы лично, поговорить, извиниться, вот это вот все. А не так, тишком, какие-то дела проворачивать. Да и не мое это, армия. Ходить строем, срать по команде. Нет уж, пусть как-нибудь сами.

– Значит, остаешься? – Михалыч снова придавил меня взглядом, но, видя мое упорство, смягчился, и бросил на стол передо мной бланк и ручку. – Тогда заполняй. Будем официально принимать тебя в «Динамо».

– А раньше я на каких условиях сюда ходил? – я без колебаний тут же приступил к работе. – Вы же секретные и все такое. Наверняка разрешение требовалось.

– В качестве подозреваемого, – не стал скрывать правду наставник. – Считалось, что ты можешь быть носителем инфекции или латентным Одержимым. Ну и еще по мелочи разное. Тебе это знать необязательно.

– Ну-ну, – спорить я не стал, хотя был уверен, что вот это по мелочи самое важное. – Дату какую ставить? Сегодня или...

– Вообще не ставь, – забрал у меня бланк заявления Выгорский. – Оформим тебя с апреля, как начал заниматься. Так, держи. Это удостоверение, это значок. Носить по желанию, но... ты понял, да?

– Ну да, значок энергетов тоже вроде как по желанию носят, но если что – сам себе злобный буратино. – Что характерно, и то и другое у Михалыча уже было заготовлено с подписями и печатями, причем дата стояла тоже апрель. Значит,

готовились. Я отложил пока их в сторонку. – Вам-то ничего не будет за то, что целого генерала пошлете?

– За это не переживай. Начальство прикроет, твой вопрос курируется в Москве. Только нос не задирай, – сурово ожег взглядом меня Выгорский. – И хватит прохлаждаться, давай в зал. Разминайся. Сегодня у тебя особая тренировка. Оставь все, потом перед уходом заберешь. Давай, давай, не задерживайся.

Выходил из кабинета тренера я с гораздо лучшим настроением, чем входил. Да, гребаный дед умудрился подкузьмить, и возможностей у него хватало, учитывая должность и звание. Но раз контора меня прикрыла, я еще побарахтаюсь. Идти к нему на поклон мириться я не собирался. Жили столько лет без этой семейки, проживем и дальше. Пусть вон своего курсанта строит. Сейчас, кстати, я бы ему накидал люлей, может, не без проблем, но все же. В ранге мы сравнивались, а опыта у меня гораздо больше.

– Здорово, Чобот! – стоило мне выйти, как парни тут же отвлеклись от разминки, чтобы меня поприветствовать. – Как сам? Ты в порядке?

– Привет, пацаны, – я пришел раньше всех и пересечься, кроме Вадима, ни с кем не успел, так что с удовольствием отвечал на рукопожатия и хлопки по плечам. – Нормально. Потом поговорим.

Последнее предназначалось Ваньке, который был в курсе моих злоключений. Грузить остальных проблемами я не со-

бирался. И так вон неудобно со школой получилось. И директор, и Алена действительно прониклись моим делом и искали варианты выхода из ситуации. Меня, кстати, дождалась всем составом, правда пришлось выслушать нотацию о неуважении и все такое. Объяснение, что ездил за консультацией, в принципе приняли, но все же поставили на вид, что можно было и Ивана Сидоровича с собой захватить. Мол, взрослые люди быстрее согласовали бы все вопросы.

Я бы мог многое сказать на эту тему, но не стал, пообещав познакомить директора с Цемелем. Все-таки действительно одно дело делаем, да и не хочется хамить людям, которые встали за меня против партийно-чиновничьего аппарата. Я не настолько неблагодарная скотина, чтобы этого не заметить. Скорее уж наоборот, сделал себе пометку рассчитаться со всеми, как будет возможность, помочь школе материально, например. Или еще как, посмотрим.

В итоге мы выработали некий план действий, основанный на жалобах во все возможные инстанции, тем более что Зайцева благородно предоставила нам шикарную возможность для этого. Алена свет Михайловна оказалась пусть молодым, но уже закаленным в интригах специалистом, и с самого начала заявила на собрание с включенным диктофоном. За что я наградил ее тортом, что успел купить по дороге. Ну не с пустыми же руками ехать, а бухло мне не по рангу и не по возрасту. Зато против сладостей никто не возражал. Единственное, я попросил придержать коней до получения за-

ключения эксперта. Чтобы потом ударить изо всех стволов, так сказать. Иван Сидорович со мной согласился, и, оставив учительский состав лечить нервы коньяком, который я тихом сунул директору, я отчалил на тренировку.

– Привет, Семен, – из раздевалки показалась Капустина. – Говорят, у тебя проблемы?

– Да забей, разберусь, – отмахнулся я и повернулся к идущей следом Сикорской. – А ты чего молчишь? Как раз самое время сказать, мол, а я же говорила. Ты ж меня всегда вором считала. Так что давай, начинай.

– Да пошел ты, – внезапно отказалась Сикорская и, развернувшись, направилась в беговой дорожке. – Дурак!

– Зря ты так, Семен. Соня за тебя переживает. – Укоризненно посмотрела на меня Даша и, перед тем как идти за подругой, добавила: – Смотрю я на вас и не понимаю, чего вы собачитесь. Или это у вас такие брачные игры?

– Не дай бог, – я вспомнил папаню беловолосой и тайком перекрестился, и сплюнул через левое плечо. – Не надо мне такого счастья.

Нет, чего греха таить, Сонька была невероятно эффектной девицей, и зажечь с такой я бы никогда не отказался, но кроме физиологических позывов у меня имелись мозги. И они кричали, что от этой семейки надо держаться как можно дальше. Начиная от их личных проблем из-за знаменитого прадеда, заканчивая тараканами в голове, которые что у дочки, что у папы были размером с немецкую овчарку. У меня

и так хватало неприятностей, чтобы искать дополнительные, я лучше вон с Ленкой зажгу. Тихая скромница Зосимова на проверку оказалась еще той зажигалкой, не чуждой экспериментам. Да и Марину забывать не стоит. Короче, есть с кем время провести.

– Стройся! – появился из кабинета Выгорский, держа под мышкой охапку длинных, метра полтора точно, бамбуковых палок. – Значит так.

Сегодня будем помогать товарищу освоить одну из важнейших техник Разрядников. Ты правильно понял, Чеботарев, выходи вперед.

Я мысленно потер руки и сделал, что приказали, хотя червячок сомнения шевельнуться в душе. Михалыч, чувствуя за спиной поддержку жены, не чурался самых жестких методов для получения результата. Так что я мог с ходу угадать, что этими палками меня будут бить. С другой стороны, это реально работало. Я ради интереса поинтересовался в школе уровнем развития тех, кто ходит в клуб «Энергия» к физруку. Так вот, там даже рядом не было тех результатов, что показывали ребята.

Про себя я молчу, все-таки сатори это аномалия, плюс было у меня подозрение, что те самые шары, что я подбирал после смерти Одержимого и собак, все же бустят мое развитие. Но даже так скорость освоения состояния озарения можно списать только на жесткие, даже жестокие, но эффективные методы. Так что можно было и потерпеть.

– Значит так, Семен, атаковать ты умеешь, ударную технику освоил неплохо, дальше нужна чисто техническая работа, чтобы научиться использовать ее на автомате, – начал объяснять тренер. – С сатори у тебя на это уйдет не так много времени, но это не значит, что нужно остановиться, как начнет все получаться. Понял?

– Конечно, – я кивнул. – Базовые навыки на то и базовые, что их нужно отрабатывать постоянно.

– Все верно, и сейчас начнем изучать вторую базовую технику, как вы уже поняли – защитную. – Выгорский кровожадно ухмыльнулся и протянул Сикорской палку. – Держи. Когда скажу – ударь Чеботарева по предплечью. Сама понимаешь, жалеть его не стоит, ему же и навредишь. А ты, Семен, не отбиваешься, а стараешься защититься пассивно. Собираешь энергию, как для удара, но вместо резкого выплеска распределяешь ее равномерно по конечности. Как бы обволакиваешь руку энергией. Понял? Ничего, научишься, сатори тебе в этом поможет. А вы следите внимательно, особенно ты, Данила, старайся почувствовать движение энергии, понять принцип. Тебе это сильно поможет, как сам ранг повысишь. Семен, сосредоточься и ныряй. София – бьешь по команде!

Я расслабился и нырнул в сатори, для начала не слишком глубоко, чтобы осознавать себя и иметь возможность влиять на происходящее. С каждым разом у меня это получалось все легче и легче. Так и сейчас я запросто вошел в состоя-

ние озарения и принялся делать то, что сказал наставник. Собрать энергию оказалось не сложно, но вот с ее распределением возникли проблемы. Она просто не хотела растекаться, а когда София, по команде Выгорского, хлестанула меня палкой, я на автомате ударил в ответ, разнеся ту на куски. Зато стало понятно, для чего палки такой длины. Чтобы не навредить помощнику. Михалыч хоть и придерживался жестких методов, но лишний раз подставлять воспитанников не желал.

Следующие пару десятков раз у меня тоже ничего не получилось, и еще четыре палки закончили свое существование, сломавшись от моих ударов, но с каждым повторением я все лучше понимал, что именно делаю не так, и как правильно. А когда после очередного удара Ваньки, сменившего уставшую Сикорскую, палка не впилась в тело с характерным звуком, а отскочила, будто попав по дереву, я понял, что у меня получилось. И... нырнул глубже в сатори, потому что один раз это не результат. Нужно, чтобы подобное получалось на автомате. Так что работа только начиналась.

После правой руки пришел черед левой. Потом ног, спины, живота с грудиной и, как апофеоз, головы. Правда, чем больше я пытался, тем легче мне давались следующие попытки. Сатори тем и хорошо, что позволяет буквально на лету подмечать малейшие огрехи и находить наилучший вариант их решения. Озарение, тут по-другому даже не скажешь. Не скажу, что за эти полтора часа я полностью отрабо-

тал постановку энергетической защиты. Скорее лишь понял суть и принцип ее работы, но это был огромный шаг в моем развитии энергетика. Ребята поглядывали с завистью, особенно Данила, но все же злобы от них я не чувствовал. Скорее мотивацию и стремление к собственному развитию. Оно, конечно, обидно, когда кто-то, едва начав заниматься, догоняет тебя и перегоняет, несмотря на то что ты пять лет уже корячишься, стараясь стать лучше. Но с другой стороны, это же заставляет искать новые пути, пробовать разные методы и сосредотачиваться на тренировках. Тем более что по просьбе Выгорского я начал учить ребят входить в сатори.

Не знаю, правда, на что тренер надеялся, если бы я сам понимал, как оно работает, но надо так надо. И мы начали с обычной медитации. Вообще очищать сознание от лишних мыслей Юниоров учат в самом начале. Без этого просто не получится нормально выполнить ту самую гимнастику, которая и стимулирует энергетическое тело, помогая ему развиваться. Многие так и начинают с медитаций, постепенно переходя к движениям. Но мне нужно было, чтобы ребята сосредоточились не на движении энергии в теле, как при обычной тренировке, а нырнули в глубины своего разума.

Просто насколько я понимал, сатори, это состояние, когда мозг использует свои возможности на все сто процентов. От этого я и плясал, заставляя ребят не просто выбросить все из головы, а сосредоточиться на какой-то практически нерешимой задаче. Крутить ее в мыслях, полностью на ней сосредото-

точившись, и пытаться найти решение. Хотя какое-нибудь, пусть не верное, но главное, чтобы мозг работал.

Понятное дело, я не сам это придумал. Проблемами погружения в сатори в Союзе занимались целые лаборатории при серьезных институтах, и мои размышления совпали с выводами группы ученых. Просто одно дело пытаться наобум, а другое – когда перед глазами живой пример. И действительно, хоть раньше ребята тоже пытались проводить подобные занятия, сейчас они прямо загорелись энтузиазмом, глядя на мои успехи. Так что Выгорскому пришлось даже продлить тренировку еще на полчаса.

А я заодно и в себя пришел, потому что в стремлении помочь ребята и девчата отбили мне все что могли, и под спортивной формой я напоминал тигра, но не черно-желтого, а в сине-красную полоску. Хорошо еще, что после занятий с Анастасией я настолько привык к боли, что практически не замечал ударов. Точнее не обращал на них внимания, но стимул к развитию они давали потрясающий. А самое интересное, что беспокоить такими пустяками Анастасию я не стал.

Новый ранг развития не только дал мне новые способности, но и улучшил регенерацию. Так что пару дней, и я буду как новенький, но сейчас мне больше всего хотелось пожрать и завалиться спать. Все же вымотала меня тренировка полностью, и я чувствовал себя выжатым лимоном. Дважды причем. Поэтому махнул всем рукой и сразу рванул домой. Мама обещала бефстроганов сделать и гороховый суп с коп-

чушками; от одной мысли об этом рот наполнялся слюной, а в животе начинался ураган. Пожрать я всегда был не дурак, но теперь прям стал каким-то всеядным монстром. Хотя маме нравилось глядеть, как я уминаю все, что она приготовит. Вот и порадуем родительницу.

Глава 5

– Семен, здорово! – поймал меня в раздевалке Чернов, хлопнув по плечу. – Есть минута?

– Здорово, Виталя. – Я пожал протянутую руку. – Это очень срочно? А то я к Алене хотел забежать еще, надо с ней перетереть одну тему. Может, после уроков пересечемся?

– Да я на один вопрос буквально, – не стал рассусоливать старшеклассник. – Есть четвертак на пару недель займы?

– Тебе на хрен... – начал было я, а потом до меня дошло. – Проиграл? Много торчишь?

– Полтинник, – приуныл комсорг. – Да я верну! Не перло просто эти дни.

– Дальше будет только хуже, – обрадовал его я. – Хочешь выиграть у казино – купи себе казино. Это же разводняк чистой воды, как ты не допетришь-то?!

– Короче, ты скажи по деньгам, да – нет, а полоскать мне мозги не надо! – вызверился Чернов, видать, ему уже не в первый раз говорили то же самое. – Достали уже, все умные такие.

– Пятеру могу дать, – я прикинул свои финансы, – больше просто нет.

– Давай, – тяжело вздохнул Виталий. – Блин, думал, что хоть ты выручишь. На меня уже и заказ выдали. Говорят, что его взяли фазаны сибсельмашевские, ну помнишь на Перво-

май с ними дрались?

– Это как? – я аж опешил. – Чего, прям валить будут?

– Да уж завалят и отпинают так, что мать родная не узнает, – наивный советский комсомолец не понимал контекста этого слова и воспринял конкретно по значению. – Бабки-то неплохие. Половину в кассу, половину им.

– погоди, ты меня совсем запутал, – я потряс головой, пытаясь уяснить сказанное. – Давай с начала. Тебя заказали? Кто?

– Ну так эти, с Лабиринта. Ты поди и не играешь. На хрена я тебе только ссылку давал, – почесал в затылке Чернов. – Короче, там такая тема. Если ты получил в игре второй уровень, то можно уходить в минус, до десяти рублей. На третьем – до пятидесяти. Ну и так далее. Но если в течение недели не вернешь бабки, то на тебя выдадут заказ. Кто у тебя деньги заберет, половину отдает лабиринтовским, половину оставляет себе. Можно и другие заказы брать, вот гляди.

Я взял протянутый телефон и принялся внимательно разглядывать окно игры. В нее я не заглядывал уже давно, а зря, тут произошли значительные изменения. В частности, появилась вкладка заказов. По сути заданий, выполнив которые можно было получить деньги на счет. Гениальная схема, превращающая игроков в банду, отследить которую было практически нереально.

Если я не ошибаюсь, в Японии такие группы называли «хангурэ» – «наполовину серые». Очень меткое понятие,

между прочим. Откровенный криминал за ними водился редко, но вот в чем-то помельче, типа драк, порчи имущества и так далее, они участвовали постоянно. Причем в разных составах, просто на телефон приходило сообщение, что нужно сделать, а после выполнения туда же кидалась оплата.

В Союзе безналичная оплата пока еще только начинала свое хождение, а тем более нельзя было рассчитаться с телефона, часов или просто мордой лица, как это было в моей реальности. Но наличие счета в онлайн-казино решало эту проблему. Я буквально восхитился элегантностью решения. Кто основной потребитель игрового контента? Всякая шпана, готовая рискнуть, ради призрачного шанса. А если есть возможность заработать, пусть и не совсем законным способом, они тем более готовы. Более того, криминальная составляющая для них скорее дополнительный стимул, чем отрицательный фактор.

А еще такая схема позволяет по максимуму исключить контакты хозяев игры с боевой силой и тем самым обезопасить себя. Не удивлюсь, если Слону с компанией команды тоже приходят на телефон, а босса они никогда не видели. Максимум сам Слон знаком с очередным звеном системы. А что оно есть, я не сомневался. Уж слишком продуманная схема, которую еще и исправляют по ходу дела. Складывается впечатление, что у нас в городе ее тестируют перед серьезным делом.

А что, город большой, пять миллионов, если считать всю

агломерацию. В два с лишним раза больше, чем было в моей старой жизни. Но большое количество вузов и молодежи вообще осталось тем же. Идеальная питательная среда для разных пороков и наживающихся на них ублюдков. Много приезжих, все-таки центральный транспортный хаб страны, соединяющий запад и восток. А значит, легко затеряться. Лучшие места для теста, наверно, и не найти.

– Понятно, – я вернул телефон Виталию и несколько купюр. – Держи бабки. Отдашь как сможешь. Но если не дурак – на этом остановишься. Вот эта хрень затягивает почище марафета. Там ты хоть понимаешь, что ширяешься, а тут вроде ну чего такого, крутану по копеечке. А где копеечка, там рубль, потом десять! А вот и полтишок. И вот ты на виртуальной игле азарта, когда и понимаешь, что надо бы остановиться, но не можешь, потому что денег ввалил кучу и надо их как-то возвращать. Но ни хрена ты не вернешь! Тут только один метод – рубить резко, с кровью отрывать. И больше никогда! Или конец! Понял?!

– Да понял, я понял! Заманал! – скрыл грубостью свое смущение комсорг. – Я и так уже почти не играю.

– Потому что долг висит, – я с лету определил причину этого. – А как отдашь – снова начнешь шпилить. До нового долга. Ты пойми, Виталь, это путь в никуда. Вот сам подумай, сколько бы и чего ты мог на сотку купить?

– Полтинник, – поправил меня Чернов, но я с ним не согласился.

– Нет, дружок-пирожок. Сотку! – и объяснил: – Полтинник ты отдашь лабиринтовцам, и еще полтинник – тем, у кого займешь деньги. Как говорил один умный человек: иметь миллион и не иметь миллион это уже два миллиона. Простая арифметика.

– Задолбал грузить! – Чернов хотел бы на меня рыкнуть, но зная, что это чревато, не решился. – Ладно, ты же к Алене хотел зайти. Спасибо за бабло, отдам сразу, как деньги будут.

– Ну-ну. – Я понял, что достучаться до комсорга старшаков мне не удалось, но кто ему доктор. Я тоже не могу спасти всех и сразу. – Бывай.

Понятно, что к комсомольскому вожаку школы я уже не успевал, до звонка оставалось каких-то пару минут. Значит, забегу на перемене, пропускать уроки я не собирался. Уж не знаю, как дальше сложится со школой, но пока я с трудом на тройку натягивал по большинству предметов. Понятно, что там еще контрольные работы будут, которые тоже дадут плюс к общему баллу, но даже так четверки за год были для меня недостижимой мечтой. Разве что учителя навстречу пойдут, но для этого мне нужно было не опозориться перед директором и его самого не подставить. А то вообще вылечу со справкой, а с ней даже в ПТУ не возьмут. Только в вечерку, а это год насмарку. Да и то не факт, что и после нее возьмут куда-нибудь. Потом армия, два года в сапогах, все начинания встанут на паузу, в то, что я смогу рулить делами из казармы, я заранее не верил. Короче, жопа. Нет, конечно,

можно было пойти к деду.

Раз он зашевелился, видимо, хочет навести мосты. Прогнуться, прикинуться хорошим внуком, вот тебе и решение проблемы и со школой, и с Аристархом, ну и заодно и с армией. Да даже того самого племянника цэкашного и то шугануть можно будет, генерал-полковник, командующий округом, это вам не это. Только вот от одной мысли, что придется прогибаться перед этой семейкой, кинувшей маму одну в положении и угрожавшей ей, меня начинает тошнить. Так что не уверен, что сдержусь и не дам в морду «любимому дедушке».

Короче, проблему с Митрофановым надо решать кровью из носу, иначе удачи мне не видать. Цемель сегодня должен был нагрянуть к своему знакомому профессору филологии, на предмет экспертизы. Причем я был уверен, что официальная даже не понадобится, Аристарх, может, и был готов рискнуть ради народного, но если будут конкретные доказательства его непричастности к моим... хм... моим песням, то он даст заднюю. И останется только разрулить вопрос с райкомовцем Лаптевым, а точнее тем, кто его послал.

Я был абсолютно уверен, что это не его личная инициатива, что-то ему пообещали, возможно протекцию. А что, Галкин вполне мог сказать, что возьмет под крыло и поможет в карьере. Для Лаптева, который к сорока с лишним годам застрял в райкоме, это шанс. Даже если поднимут в горком – уже другой уровень и больше возможностей. Но лад-

но, пес с ним, с Лаптевым, сейчас меня волновала физика, а точнее электродинамика, которую я вроде знал неплохо, но из той, прошлой жизни. Хотя, с другой стороны, чему там отличаться-то, электроны и закон Ома непоколебимы в любой вселенной.

И вот когда я слушал про емкость и единицы ее измерения, меня накрыло. В погоне за самыми яркими маркерами своего времени типа соцсетей, 3D-принтеров или квадрокоптеров я упустил такую невероятно важную, но почти незаметную обывателям деталь, как обычные батарейки. Точнее аккумуляторы, потому что одноразовыми батарейками у нас уже практически не пользовались. Тем более что емкость современных накопителей была куда выше, чем могла выдать солевая или какая иная батарея, а стоили на порядок меньше, если считать по емкости на единицу объема.

Все дело было в технологии. В тридцатые годы двадцать первого века после почти пятнадцати лет исследований небольшая американская фирма выпустила на рынок невероятно мощные и дешевые аккумуляторы, созданные по трехмерной технологии. Причем в качестве основного материала вместо дорогого лития они использовали гораздо более дешевую медь, а точнее медную пену, получаемую технологией гальванизации. Затем она покрывалась специальным полимерным электролитом, и в результате, за счет трехмерной структуры, объем батареи получался в шестьдесят раз больше стандартной при том же размере, что сказывалось на

количестве ампер-часов аккумулятора.

Там еще была масса тонкостей, но самое главное, что они произвели фурор и мгновенно завоевали рынок. Удобные в работе, потому что вспененной меди можно было придать любую форму, мощные, надежные, дешевые, без риска нагреться или тем более взорваться. Местные производители телефонов и прочих гаджетов тут же выстроились в очередь к производителю, а вот остальному миру пришлось сосать лапу, покупая уже их продукцию. Продажа самих аккумуляторов и тем более технологии оказалась строго запрещена самым честным и справедливым американским правительством, всегда ратовавшим за свободный рынок. Ну как они это понимали.

Только вот обратную инженерию никто не отменял, а в нее могли играть не только наши китайские друзья, словившие с новыми батареями большой затык, но и отечественные ученые. Проблема китайцев оказалась в недостаточно развитой фундаментальной науке о материалах, которая оказалась ключевой в новой технологии, а вот наши академики в лабораториях постройки еще Советского Союза справились. За что и получили от российских предпринимателей солидную благодарность, в том числе и материальную, достаточную для постройки пары-тройки новых лабораторий, оборудованных по последнему слову техники.

Откуда я все это знаю? А я как раз в этом деле участвовал, как один из тех самых бизнесменов-заказчиков. Моя фирма

тогда выпускала на рынок первый отечественный шлем виртуальной реальности, и нам кровь из носу нужны были дешевые и мощные аккумуляторы. И мимо такого шанса я пройти просто физически не мог. Тогда же нам устроили экскурсию, с полным описанием техпроцесса изготовления вспененной меди и даже открыли формулы полимеров. Хотя зачем заслуженным профессорам их скрывать, вещь слишком специфическая, а наши азиатские друзья, уверен, купили полную техкарту еще до того, как ее показали нам.

Скандал вышел знатный, но в итоге американцы утерлись. Даже европейцы, которых янки держали на коротком поводке, и то начали рыкать на хозяина, потому что монополия — это плохо. Против нас привычно ввели очередные санкции, мы им в ответ подняли цены на газ и нефть, китайцы тоже поучаствовали в очередном витке торговых войн, и на этом все успокоилось. А технология осталась и стала настолько привычной, что я перестал ее замечать. И даже не вспомнил, попав в эту реальность, хотя бы потому, что мой кирпич марки «Электроника» держал заряд долго из-за огромного аккумулятора, дающего 70 % веса. Но это все же был старый, литий-ионный накопитель, а теперь пришла пора приобщить страну Советов к прогрессу.

Я едва дотерпел до конца урока, буквально зубами вцепляясь в руку, чтобы не начать рисовать техкарту. Но нет, подобные знания категорически, даже самым краешком, нельзя было показывать посторонним, хотя бы для их безопасно-

сти.

В отличие от большинства обывателей, я прекрасно знал, что за новую технологию могут оторвать голову в прямом смысле этого слова. И не одному человеку, а любому, кто хоть приблизительно с ней знаком или теоретически может быть в курсе.

Ну и еще один момент меня смущал, не давая взяться за работу. Песни, пляски и прочие вертолетики это прекрасно, но в принципе в них не было ничего революционного. Идеи лежали на поверхности, а разработка по каждому направлению уже велась некоторое время. А вот батареи нового типа другое дело. Это реально революция, и не только в элементах питания. Легкие и энергоемкие аккумуляторы дадут толчок к развитию мобильных устройств, электротранспорта, переносного электроинструмента, да и любых других отраслей, где используются локальные элементы питания. И как бы за это меня не взяли за хиток и не засунули в какой-нибудь закрытый на сто замков «почтовый ящик». А мне еще в «Артек» ехать, никогда там не был, так что хотелось бы побывать, исполнить мечту детства, так сказать.

Сомнениям «быть или не быть» я мучился до конца уроков. Даже к Алене не пошел, так и сидел за партой, обхватив голову руками, и прикидывал, что и как. Меня никто не трогал, думали, что я переживаю за комсомольский билет и обвинение в плагиате, но на фоне возможных проблем это было такой мелочью, что я уже и думать о ней забыл. В закры-

тый НИИ не хотелось, даже если я в нем буду работником, а не подопытным кроликом. Опытный кролик ничем не лучше своего неудачливого товарища. Предпочитаю свободу.

Но, с другой стороны, это реально шанс помочь своей стране... или не своей. За такую технологию на Западе меня осыплют золотом с ног до головы. Как же, перебежчик из страшного коммунистического Мордора, принесший в клювике ценные знания. Мы его всячески обласкаем, познакомим с президентом США, который пожмет дурачку руку, дадим ему дом, машину, жену-красавицу. А удавим потом, потихому, когда вытрясем все, что этот дурачок знает. И свалим на СССР, мол, вот смотрите, какие звери, достали бедного мальчика, а он всего лишь хотел жить. Ну да, ну да, плавали, знаем. Чтобы играть в такие игры, надо быть матерой акулой, а не шестнадцатилетним пацаном, которого никто не воспринимает всерьез.

Да, у меня были варианты не допустить плохого исхода, но положить руку на сердце, в них я не был уверен на сто процентов. Все-таки я аййтишник, немного администратор, менеджер, управленец, короче, но в основе все тот же программист, а не агент спецслужб, которого натаскивали годами. И сдастся мне, любые мои страховки специалисты раскусят на раз-два. Так что получается, что и выбора-то у меня особого нет.

Между жопой заграничной, где я буду проклятым комми и чужаком, и отечественной, где меня всего лишь запрут под

охраной в закрытом институте, я выберу родину. Но все же надеюсь, что до такого не дойдет. У меня планов еще громадье. Я вон последние две недели бьюсь с созданием нейросети, что была у меня в компании. Очень удобный инструмент, позволяющий снять нагрузку с кодеров и берущий на себя основную часть механической работы. Но вот создать ее с нуля на незнакомом синтаксисе даже со знаниями, что мне достались от Одержимого, еще тот подвиг.

Подвижки есть, но работы там еще непочатый край. И показывать ее я никому не собираюсь, от аккумуляторов я, может, еще сумею отбрезаться, все же не моя тема, я чисто случайно узнал подробности, то нейросети это не менее большой шаг в будущее, и тут уже сказать посторонним не получится. Короче, куда ни кинь – всюду клин. И чего мне не жилось спокойно?

Глава 6

– Ну заходи, расхититель авторской собственности! – приветствовал меня Тихомиров, откровенно потешаясь. – Чистосердечное принес?

– Не смешно, – буркнул я, пожимая руку капитану и усаживаясь на стул рядом со столом. – Лучше бы помогли, раз в курсе ситуации.

– А я тебя предупреждал, – пожал плечами Илья Демидович. – Вот теперь сам и выкручивайся. Как ты там говорил? Сам себе злобный бурадино?

– Ну-ну, – я ничуть не проникся воспитательным моментом. – А потом мы жалуемся, что у нас то того нет, то это не работает. А все потому, что везде окопались вот такие, как Митрофанов да Зайцева, которые сами ни хрена делать не умеют, зато чужую работу присвоить как здрасьте. Да еще и создателя в дерьмо макнуть, чтобы вперед заслуженных партийных товарищей не лез. А то моду взяли что-то изобретать, придумывать, а постановления за десять последних съездов партии наизусть не знают!

– Ты говори, да не заговаривайся, – даванул тоном чекист. – Партия – это ум, честь и совесть нашей эпохи. И если бы не большевики, ты бы сейчас не в школе учился, а батрачил на кулака какого-нибудь или буржуя!

– Или они на меня, – хмыкнул я. – Не надо мне полит-

информацию читать. Я сам могу рассказать такое, что уши в трубочку свернутся. И отрицать засилье партократов и начетников прямой путь на кладбище. Если человек становится неприкасаемым только потому, что прочитал все собрание сочинений Владимира Ильича или вызубрил пару десятков лозунгов, которые пихает к месту и не к месту, не пройдет и пятидесяти лет, как страна рухнет на хрен! Просто потому, что руками никто работать не будет! Зачем, если можно трындеть и жить на спецобеспечении, да еще других учить, как правильно, а как нет. И не важно, что сам ты ничего не умеешь, ты же выучил директивы последнего съезда наизусть – значит, можешь указывать, как правильно укладывать трубы. Логично же!

– Так, если ты пришел антисоветчину тут разводить, то вали давай! – хлопнул по столу Тихомиров. – И без тебя работы много.

– Это как раз самая что ни на есть советчина, и кому как ни Комитету госбезопасности с подобным бороться, – откинулся я на спинку стула. – Но я не за этим, собственно. Есть два момента, где вы можете мне помочь, а с Митрофановым я и сам справлюсь. Как только получу результаты экспертизы стихов от филологов, он сам на ту же жопу сядет и затихнет.

– Вот и посмотрим, – неопределенно как-то отозвался Илья Демидович, но все же поинтересовался: – Чего у тебя? Дел действительно много. Меня посылают на переподготовку, а то без этого майора не дадут. Хорошо еще Высшие кур-

сы у нас в городе находятся. Не придется по гостиницам мыться.

– Поздравляю, – я был вполне искренен, связи мне пригодятся, и чем выше звание у знакомых, тем лучше. – Собственно, проблема у меня такая. Учитель физики от моего лица подал документы в Комитет по изобретениям на регистрацию трехмерного принтера. И в итоге нам отказали с какой-то предельно странной формулировкой. Вот посмотри-те.

– Хм... – Тихомиров пробежал глазами по бланку и пожевал губы. – Да, странно. Ладно, с этим разберемся. Запрошу у них дело по вашей заявке, и, если что, переправим его в Москву. Принтер твой штука хорошая и нужная. А что оружие можно делать, так кухонными ножами убивают куда больше народу, чем из тех же охотничьих ружей. И что теперь, их не продавать?

– В Китае вроде так и делают, – я припомнил информацию из прошлой жизни. – Ножи только по паспорту и разрешению Компартии, и все равно психи регулярно на людей с тесаками кидаются. Да и вообще зубров бояться, в ро... ну в смысле волков бояться, в лес не ходить.

– Ну-ну, – усмехнулся чекист, прекрасно понявший, о чем я. – Ладно, это я принял, передам начальству, оно возьмет на контроль. Чего еще у тебя? С Сикорским проблемы?

– Да нет, – я пожал плечами. – Наоборот, он мне сильно помог. Не ожидал я, что эти уроды киллера pošлют, ну

убийцу наемного. Кстати об этом. А вы в курсе, что это онлайн-казино превращается в настоящую банду по типу японских хангурэ?

– Это якудза, что ли? – не понял, о чем я, Тихомиров. – Этого нам еще не хватало. И так половина банд этнические. Но тут видишь, в чем проблема, это дело отдали милиции. Начальство решило, что это их и ОБХСС задачи.

– Хреново, – я покачал головой. – могут быть большие проблемы.

– Ты милиции не доверяешь? – удивился Илья Демидович. – То, что тебя разок закрыть хотели, не означает, что там все такие.

– Проблема не в одном уроде, решившем на мне палку срубить, а в самом подходе, – я скривился, потому что опять приходилось умничать и палиться. – Сама палочная система изначально порочна, она заставляет ментов не ловить преступников, а отрабатывать норму. При таком подходе справедливость и борьба с уголовным элементом идет побоку, главное ведь отработать заявление. А каким образом, уже никого не волнует. Но если со всем остальным такая система криво, косо, но работает, в основном за счет энтузиазма оперов и прочих рядовых сотрудников, то с хангурэ она справиться не сможет от слова совсем. Это ведь не якудза, а совсем наоборот.

– В смысле? – удивился капитан. – Это как вообще?

– Якудза имеет четкую структуру, так же как коза ност-

ра и прочие так сказать «семейные» преступные сообщества, – начал объяснять я. – Есть глава – оябун, под ним ходят старшие офицеры – вака гасира, и сятей гасира, младший командный состав, которые рулят быками – кусей и сятей. Там еще есть ряд должностей, но это не важно, главное, что это четко структурированная организация, где каждый знает свое место, кому кто подчиняется и так далее. А хангурэ совсем наоборот. Там просто нет главарей в прямом понимании этого слова.

– Что-то ты меня совсем запутал, – покачал головой Тихомиров. – Какая же тогда это банда?

– Самая настоящая, – я тяжело вздохнул. – Дело в том, что приказы или задания, так будет точнее, члены хангурэ получают по телефону. И туда же приходит оплата. Например – разбить окна в кафе, прийти на стрелу... ну стычку с другой бандой то бишь. Причем там и драться может не придется, чисто постоять за компанию, изобразить массовость. И так далее.

– И даже если кто-то попадется, то ничего доказать не получится, потому что исполнители не знают, кто отдает приказы. – Мгновенно догадался, о чем я веду речь, Илья Демидович. – Да и искать их никто не будет. Если без мокрухи или воровства, то максимум хулиганку повесят и все, закроют дело. М-да... ты прав, это действительно будет проблемой, если сумеют реализовать такую схему, в чем я лично сильно сомневаюсь. Достаточно одного запроса на узел свя-

зи, чтобы получить полную распечатку с сотового, а там уже дело техники закрыть всех участников.

– Это если они будут палиться сообщениями через оператора. – К сожалению, для наших силовых структур все было не так просто. – Но создатель Лабиринта это предусмотрел. В приложение встроена возможность отправки сообщений. И они сто процентов зашифрованы.

– Даже так... – капитан постучал пальцами по столу. – Добро, напишу рапорт, отправлю вверх. Копию закину твоему Сикорскому. Это его епархия, пусть разбирается. Если банда и вправду копирует японскую, то это дело для контрразведки. Тем более что техническая подкованность организаторов вполне может указывать на японцев.

– Или американцев, – кивнул я. – Не надо забывать, что там стоят базы пиндосов, а янки как никто умеют копировать нужные им знания и умения. Их шпионы вполне могут воспользоваться опытом японских банд для создания у нас чего-то похожего. При этом исполнители даже подозревать не будут, на кого работают.

– Да, вполне. – кивнул Тихомиров и хитро посмотрел на меня. – Про этих хиромантов ты тоже во сне увидел.

– Ага, в нем, – я сделал морду тяпкой. – И кстати о снах. У меня есть кое-что для вас, точнее не для вас конкретно, и даже не для одиннадцатого управления или КГБ в целом, а для всей страны. Нечто, что совершит техническую революцию. Но очень хотелось бы, чтобы меня обломками старого

мира не завалило.

– В каком смысле? – внешне Илья Демидович оставался спокоен, но я чувствовал, как энергия внутри него сжалась в шар, готовая и напасть, и отразить нападение.

– В том, что мне не хотелось бы остаток дней провести в каком-нибудь «почтовом ящике» в качестве кролика, – пояснил я. – Ни опытного, ни подопытного. Просто передайте наверх, кому там будете докладывать, что на свободе я смогу больше, а умирать мне не страшно. Я уже однажды того... во сне, конечно.

– Конечно, – кивнул Тихомиров, не спеша расслабляться. – Ладно, давай, что там у тебя.

– Вот, – я положил на стол тетрадь на девяносто шесть листов, которую за вчерашний день исписал наполовину. – Тут полный технологический цикл производства аккумуляторов нового типа. Гораздо дешевле, чем современные литий-ионные, и при этом в десятки раз более энергоемкие. К созданию их аналогов остальной мир доберется в лучшем случае лет через тридцать. А то и больше, все-таки слишком много факторов должно сложиться.

– Ты сейчас серьезно? – Я думал, что капитан раньше был напряжен, но сейчас он представлял собой просто комок пульсирующей энергии. – Слушай, песни, вот эти твои устройства – это конечно, интересно, но ничего особого в них нет. А это...

– Я же сказал сразу, это революция, – я пододвинул тет-

радь к чекисту. – Да, и советую сразу озаботиться охраной и секретностью. За этой технологией будет охотиться весь мир. Лучше всего найти одного какого-нибудь ученого химика для проверки. Там, по сути, нужна только гальваническая ванна и синтез особого полимера. Я все подробно расписал. Если с синтезом проблем не будет, можно за неделю управиться, но я там вроде все нюансы указал, так что должно получиться.

– Я... – Тихомиров хотел что-то сказать, но потом молча встал и убрал тетрадь в сейф. – Хорошо, я сегодня же лично передам записи куда надо и прослежу за ходом эксперимента. Раз уж ты курируешься нашим управлением, то и отвечать нам. Уверен, шеф согласится, слишком уж заманчивые перспективы маячат, если получится. И да, с Митрофановым я поговорю.

– Не стоит, – отмахнулся я, – там вроде никаких сложностей не предвидится пока, но если что, тогда, конечно, обращайся. Вы лучше передайте начальству насчет кроликов. И если уж хотите чем-то наградить, то лучше предоставьте мне максимально мощный и защищенный сервер в своем центре. Есть у меня одна задумка, светить которой тоже не стоит, однако перспективы на уровне тех же батарей.

– Ты... блин, вот не живется тебе спокойно. – У капитана даже слов не было, чтобы описать ситуацию и свои мысли по отношению ко мне. – Что там за хрень еще придумал? Не могу же я к командиру прийти и сказать, так, мол, и так, а

давайте Чеботареву сервер подарим в нашем центре, он там чего-то придумал, оно, может, рванет, а может, и нет.

— Логично, — я почесал в затылке, размышляя рассказывать о нейросетях или нет, и решил, что рановато, за такое точно упекут. — Тогда ладно, проехали.

— Ни хрена не ладно! — вдруг вспыхнул Илья Демидович. — Ты думаешь, это тебе игры?! Да ты хоть понимаешь, сколько людей можешь подставить своими штуками?! Сколько уже задействовано, кто проверяет твои идеи?! При этом ты говоришь о свободе, но пытаешься чего-то мутить. Ты не понимаешь, что так делаешь себе только хуже?!

— А что вы от меня хотите?! — тут уже я поднялся в ответ. — Что я, блин, должен вам сказать?! Тут, сука, живешь как на вулкане, шаг влево, шаг вправо и хана, в лаву с головой. А прыжок считают попыткой улететь и стреляют на поражение!!! Могу я на все забить и жить, как обычный человек? Да запросто! Плевать мне и на песни, и на все остальное. Открою маленькую конторку, буду ковыряться помаленьку, клепать какие-нибудь программки на продажу. С голоду не помру.

— Сядь! — рявкнул на меня чекист. — Ты уже вляпался по самые яйца, заднюю давать поздно! Так что сел и подробно объяснил, что ты там делаешь и зачем тебе защищенный сервер. А я в рапорте укажу полное добровольное сотрудничество и мнение, что при минимальном надзоре твоя деятельность более продуктивна.

– Как вляпался, так и отляпаюсь, – я огрызался, чувствуя, как внутри закипает злость. – Сложно, что ли, взять и на все забить? По большому счету я только Шилову должен, но с ним уже песнями рассчитался. А с вами сотрудничаю на добровольных началах, просто потому что люблю свою родину, как бы пафосно это ни звучало. Но строить меня не надо. Я ведь не шутил по поводу того, что умирать легко. Раз и все. Никаких тебе тоннелей со светом в конце, ничего такого. Я точно знаю. Маму только жалко. Единственный родной человек как-никак.

– Твою за ногу, – Тихомиров тяжело вздохнул, снова отпер сейф и вынул оттуда бутылку армянского коньяка и стакан, потом с сомнением посмотрел на меня и достал еще один. – Откуда только ты на мою голову взялся.

– Мы из тех ворот, что и весь народ, – я принял на четверть наполненную тару, покатал жидкость по стенкам, вдохнул аромат и только после этого отхлебнул. – Хороший коньяк! Настоящая Армения!

– Дерьма не держим, – довольно кивнул Илья и тоже хлебнул алкоголя. – А там, у себя... во снах, кем был-то?

– Не поверишь, собой и был, – я еще раз вдохнул запах, но пить не стал. – Чеботарев Семен Павлович, одна тысяча девятьсот девяносто четвертого года рождения, город Новосибирск Российской Федерации. Ровно через тринадцать лет после развала Союза Советских Социалистических Республик. А знаешь, кто первым кинулся дербанить еще не остыв-

ший труп страны рабочих и крестьян? Комсомольские вожаки и верхушка ЦК. Те самые партократы трепологи, которые ни хрена не умели делать, зато задалбливали постановлениями съездов и собраниями сочинений вождей. Комитет к тому времени выхолостили, они уже лет сорок как не имели права работать по партийному руководству, только с разрешения ЦК, а сам понимаешь, ворон ворону глаз не выклюет. Сажали только тех, кто совсем зарвался, да и то пара показательных процессов, не более.

– Сука... – Тихомиров, глядящий на меня круглыми от шока глазами, только и смог, что это выдохнуть, и залпом допил коньяк, а затем налил себе еще полстакана и также опрокинул в глотку, даже не поморщившись. – Сука...

– Не то слово. – Я тоже глотнул, грустно усмехнувшись. – Там такое было... потом как-нибудь расскажу. Не хочу сейчас. Не смогу. Наверно, после войны и то было лучше. Как минимум потери населения сопоставимы. Не вписались в рынок, понимаешь? Ублюдки... я хоть это время почти не застал, совсем мелким был, но насмотрелся достаточно. И потом только понял, как мама себе во всем отказывала, лишь бы меня накормить. По двое суток голодала. И с Каленым сошлась только потому, что у него бабки водились. Воры и бандиты тогда хорошо жили. Я тоже вором хотел быть, пока не посадили. А пока сидел, этот ублюдок маму порешил. Ненавижу, сука! Мог бы, еще раз кончил бы его, своими руками!

– Мы узнали, кто такой Барон, – отвлек меня Илья, немного пришедший в себя. – Цыганский барон, жил на Лесоперевалке. Когда Каленого кончили, ушел в бега. Объявлен во всероссийский розыск. Найдем, не сомневайся.

– Или нет, – я грустно усмехнулся. – Знаю я, как оно бывает, бандиты в федеральном розыске десятилетиями живут не напрягаясь, да еще почетными гражданами становятся. Впрочем, это там было. У вас, может, и получится. Все же люди тут другие. Более человечные, что ли. Seriously, там при малейших проблемах директор бы меня выкинул из школы, собственно, так и случилось, а тут прям бьются против райкомовских уродов, несмотря на возможные проблемы. И это норма.

И я готов за это бороться! Понимаешь, вы только думаете, что капитализм – это плохо, а я это точно знаю! Я жил в стране, где человек человеку волк. Где стариков резали за квартиры, брошенные и никому не нужные дети жили на улице и нюхали клей, потому что в детдоме еще хуже. Где русских резали во всех бывших союзных республиках с криками о сотнях лет оккупации. Так что большего патриота, чем я, еще надо поискать. Так своему начальству и передай. Или... наш разговор пишется?

– Такие правила, – немного смутился Тихомиров. – Положено.

– Ну и ладно, – я вдруг почувствовал, как меня отпустило. – Все равно же вы меня уже давно срисовали. Надо бы-

ло бы – давно бы взять попытались. Не факт, что это бы получилось, при всем уважении к возможностям энергетов, но даже если тебя съели, у тебя есть два выхода. Ты понял, да?

– Эксперты говорят, что ты действительно способен на самоубийство в критической ситуации, – кивнул капитан. – И при этом не могут точно определить твой психологический возраст. Разные тесты выдают то пятьдесят лет, то шестнадцать.

– А мне и есть шестнадцать, – рассмеялся я. – Вот не поверишь, я реально чувствую себя как подросток. Разве что знаю чуть больше, а в остальном все то же самое. Может, я так никогда и не вырос, поэтому к переносу отнесся довольно спокойно. А ведь у меня там осталась семья. Жена, дети.

– И не скучаешь? – удивленно уставился на меня Илья.

– Скучаю, – я пожал плечами. – Но дети уже взрослые. Денег я оставил достаточно, чтобы еще их внукам хватило. Компания тоже работает как часы, сын в совете директоров, так что развалиться не даст. Жена опять же поможет. А я для себя пожить хочу. Маму устроить, чтобы пожила, как белый человек. Она заслужила больше, чем кто-либо. Короче, как-то так. Пойду я, а то поздно уже. Мама волноваться будет. И да, насчет вопросов, что у вас накопились – будущее я предсказывать не умею, а то, что было у нас, никакого смысла не имеет. Просто потому, что мир уже слишком сильно изменился за эти сто лет, различия настолько кардинальны, что даже сравнивать нет смысла. Максимум что я могу дать – это

технологии. В основном айти, то бишь программирование, сетевые технологии и так далее. Для этого мне и нужен сервер.

– Но ты же понимаешь, что без контроля мы не можем на это пойти? – Тихомиров уже не пытался давить. – Максимум, что могу пообещать – это не лезть в код.

– Все равно же полезете, – я пожал плечами. – Не поймете правда ничего, но дело ваше. Решайте, короче. А я поехал. Мама обещала котлет нажарить, с пюрешкой. И «ленинградский» салат сделать. Так что сам понимаешь, опаздывать нельзя.

Глава 7

Разговор с Тихомировым назревал давно. Я не сомневался, что меня срисовали почти сразу, да и Выгорский это почти прямо подтвердил, но подозревать это одно, а признаться лично – совсем другое. Оставалось надеяться, что в итоге я все же не окажусь на столе вивисекторов или где похуже, а шансы на это были немаленькие, пусть даже я не блефовал насчет самоубийства. Перерождение, переселение души, временная регрессия – назови как хочешь, суть не изменится, все это подразумевает практически бессмертие. Ну или как минимум еще одну попытку. Откажутся ли от такого партийные бонзы? Я товарища Иосифа Виссарионовича, конечно, уважал, но при этом ничто человеческое ему не было чуждо. Что уж говорить о других, не столь морально крепких руководителях Советского государства.

С другой стороны, именно по этому вопросу я ничем не мог помочь. От слова совсем. Я даже момент своей смерти не помнил, последнее, что отпечаталось в мозгу, как надевал новейший шлем виртуальной реальности полного погружения. Он-то меня и убил, я уже думал об этом. Зажарил мозги, словно микроволновка, хоть конструкторы в один голос утверждали, что это невозможно. Но вот результат, как говорится, налицо.

Но даже если я соберу такой же, что не так просто, хотя бы

потому что на данный момент нет даже одной пятой нужных технологий, я никогда не дам гарантию, что перенос повторится. И никто не даст. Скорее мы получим труп с вскипевшими мозгами, а там, где его душа, в раю, аду или ином измерении, мы никогда не узнаем. А как проверишь-то? Я бы с удовольствием отправил весточку семье, но как это сделать? Орать в космос?

К тому же было у меня подозрение, что я не первый такой красивый тут нарисовался. Уж слишком спокойно ко мне отнеслись, словно к обыденности. Мол, шастают тут всякие. Будем присматривать, но в целом ты нам нафиг не нужен. Оно понятно, даже если взять официальную историю про разрывы и прочее, там почти прямым текстом сказано, что первые техники и методики развития люди получили от гостей с той стороны. И не только демонические, обычные тоже. Понятно, что их потом исследовали, дорабатывали, развивали, но база точно была не местная.

Короче, предпосылки того, что меня реально могут оставить в покое, были. Может, поэтому я вчера и решился говорить почти напрямую. Ну еще и психанул, не без этого. Я не врал Тихомирову, что ощущаю себя подростком. Я им и был по сути. Никакого вот этого, старик, запертый в теле ребенка, ни фиги. Я жил и дышал полной грудью, наслаждаясь молодостью. Тем, что пропустил в прошлой жизни, по дурусти угодив за решетку. Правда, проблем теперь у меня только прибавилось, но, по сути, тот же Митрофанов – это

так, мелочь.

Если бы не поддержка его со стороны райкома, а скорее всего Галкина-старшего, на него можно было не обращать внимания. Но даже с этим сильно нагадить Аристарх мне не мог, уж на слишком шатком фундаменте базировались его претензии, и если бы не Лаптев с Зайцевой, их никто даже рассматривать не стал. Впрочем, их и так никто всерьез не принимал, давили-то на мою комсомольскую сознательность и прочую совесть. То есть, по сути, разводили на шару, как лоха. Так что кто бы там что ни говорил, я считал, что поступил правильно, швырнув комсомольский билет на стол. Без средства давления райкомовцы мигом сдулись и отыграли назад. Оставалось только ждать хода Митрофанова, а пока я позавтракал и наслаждался выходными, работая над нейросетью, которая все больше принимала черты законченной матрицы, когда меня отвлек телефонный звонок.

– Слушаю, – номер был мне незнаком, но судя по коду местный, городской.

– Чеботарев Семен? – поинтересовался смутно знакомый голос. – Аристарх Владленович Митрофанов говорит. Не отвлекаю?

– Нет, Аристарх Владленович, – я мысленно усмехнулся, видать, приперло деда, я ждал звонка не раньше чем через неделю. – Слушаю вас.

– Семен, между нами возникло некоторое недопонимание, а ведь мы оба коммунисты и должны быть выше этой

мещанской возни с правами. Я предлагаю встретиться и поговорить, так сказать, без посредников. Уверен, мы сумеем уладить это недоразумение, – Митрофанов говорил уверенно, словно действительно мы, просто случайно встретившись, не поняли друг друга, а не он приперся с поддержкой из райкома в мою школу, устроив грандиозный скандал. – Давай встретимся и все спокойно обсудим. Только ты и я. Нам как творческим людям будет проще найти общий язык.

– Я не знаю... – я придал голосу неуверенности. – Не то чтобы я не хотел поговорить, тоже уверен, что это недоразумение, но вы уверены, что хотите поговорить именно со мной?

– Конечно! – Аристарх прямо лучился добродушием. – Ты прекрасный поэт, и я уверен, скоро вступишь в Союз писателей. А я, как известно, секретарь парткома Союза. Получается, мы коллеги, так зачем нам кто-то еще. Посидим, поговорим, все обсудим. И найдем выход, я в этом полностью убежден.

– Ну... хорошо, – сдался я. – Когда и где?

– А чего тянуть? – заметно обрадовался Митрофанов. – Давай часика в два... нет, в три. То бишь в пятнадцать ноль-ноль, в кафе «Ромашка» возле Ленинского рынка. Знаешь такое?

– Вроде да, – я прикинул в голове, где это может быть. – Найду. Хорошо, тогда в пятнадцать часов в «Ромашке».

– Буду ждать. – Было ощущение что Аристарх облизнулся,

но больше ничего понять не получилось, он положил трубку.

Я тоже отложил телефон, откинувшись на стуле. У Митрофанова, похоже, здорово подгорало, что он решился на такой шаг. Либо старый мудак что-то задумал и не хочет откладывать это в долгий ящик. Хотя возможно и то и другое сразу, уж слишком он был довольный, когда я согласился на встречу. Но что именно мне приготовил парторг поэтов и писателей, я пока не представлял. Впрочем, вряд ли там было что-то по-настоящему опасное.

Моя прошлая циничная половина намекала на киднеппинг, киллеров и тому подобные методы решения проблем с конкурентами, принятые в моем мире. Пусть не так широко, как в девяностые, но в целом никуда это не делось, и, если нужно, чтобы человек исчез, он исчезнет без проблем, вариантов для этого масса. Но новая, молодая, коммунистическая часть закатывалась от хохота на такие предположения. Ну какой в баню киднеппинг? Тут и слов-то таких не знают. Опять же белый день, центр города, людное место. Тут голос-то лишний раз не повысишь, чтобы замечание не сделали, а тут киллеры. Смешно, ей-богу.

Поработав до двух часов дня, я начал собираться. Опаздывать было неприлично, мне нужно было, чтобы Митрофанов не сорвался с крючка, поэтому я отказался от мотоцикла и постарался одеться как можно скромнее. Старые брюки, простая шерстяная рубаша, немного потертая на локтях, штормовка. Учитывая, что после перехода на новый ранг я

принялся снова расти, все мне было слегка мало, что еще лучше подходило для стиля, что я пытался создать. Единственное, то, от чего я не смог отказаться, это «гриндерсы». Тяжелые ботинки были моим главным оружием, что в сочетании с новыми умениями делало удары ногами смертельными в прямом смысле этого слова. Тут даже Разряднику, полностью освоившему энергетическое укрепление тела, придется несладко.

Кафе я нашел без труда. Довольно обычное, я бы даже сказал, совдеповское кафе, судя по табличке, государственное, а не кооперативное, поэтому обслуживание в нем было так себе. Как и меню, подходившее скорее какой-нибудь столовой, чем кафе. Впрочем, завсегдатаев все устраивало, и скатерти не первой свежести, и запах пирожков с беляшами, жареных на давно не меняющемся масле. И выбор алкоголя, не слишком богатый, но достаточный, чтобы расслабиться после трудового дня.

Меня давно поражал этот контраст, госучреждений, того же общепита и кооперативов. Если последние реально боролись за клиента, то первым было реально плевать. Они словно отбывали повинность, но оно и понятно, ведь их зарплата не зависела от качества обслуживания и прочих нюансов. Но даже если переходили на хозрасчет, все равно работали так, будто их тут держат насильно. Хотя были и другие примеры, но во всех, о которых я слышал от Шилова, фигурировали молодые энтузиасты, стремящиеся не построить коммунизм

в отдаленном будущем, а наладить свою жизнь здесь и сейчас. Как новая заведующая столовой Новосибирского оловокомбината.

Старое предприятие, основанное еще до войны, выпускало олово, припой и баббиты высшего качества на уровне лучших мировых образцов, за что комбинат был награжден орденом Ленина, а его сотрудники не раз получали звание Героев труда, и даже Государственные премии СССР. Но вот со столовой комбинату катастрофически не везло. И ведь не воровали, но почему-то повара готовили так отвратно, что зачастую вызывало возмущение рабочих. Заведующие менялись как перчатки, но ничего не помогало, и директор уже хотел было вовсе закрыть столовую, организовав доставку готовых обедов, но тут к нему на прием прорвалась девочка-комсомолка лет двадцати двух. Она работала в бухгалтерии на какой-то мелкой должности, но решила рискнуть.

Директор поначалу даже слушать не хотел, ему и без активных комсомолок было чем заняться, но девочка произнесла волшебное слово «хозрасчет», и все поменялось. Госпредприятия с большой неохотой переходили на хозрасчет, несмотря на все потуги государства, хотя бы потому, что это же надо не просто работать, а отвечать, чтобы твоя продукция пользовалась спросом. И конкурировать с кооператорами, которым палец в рот не клади. Впрочем, сам комбинат давно перешел на эту форму хозяйствования, но у них конкурентов почти не было. А вот со столовой все было не так

просто. За годы плохой подготовки рабочие уже выработали разные схемы, начиная от тормозков из дома, заканчивая масловым походом в соседские кафе и столовые. Короче, девочка рисковала.

Пару месяцев все было очень плохо. Она перессорилась со всеми поварами и сотрудниками кухни, ей объявили бойкот. Потом, когда стало понятно, что девочка не поддавалась на шантаж, они дружно уволились. Она набрала молодых, только из техникума, благо проблем с этим не было, у нас в городе учебных заведений хватало на любой вкус и цвет, начиная от ядерной физики, заканчивая легкой промышленностью, дизайнерами и прочими креативщиками, разве что назывались по-другому.

Мотивированная зарабатывать молодежь зубами вцепилась в возможность и буквально через очень короткое время столовая полностью преобразилась. Готовить стали вкусно, приветливый персонал радовал глаз, а главное, они вышли сначала на самоокупаемость, а затем начали получать прибыль. Директор, с плеч которого свалился почти мертвый актив, нарадоваться не мог и повадился водить гостей в обновленную столовую, короче, все были счастливы, кроме бывших поваров. И у меня сложилось такое впечатление, что все эти обиженные жизнью и привыкшие работать спустя рукава бабы и прибились в кафе типа этой самой «Ромашки». Иначе я не понимал, почему нельзя хоть немного положительно относиться к посетителям. Ну как минимум, когда я вошел,

на меня зыркнули так, будто я являлся тут постоянным гостем, причем каждый раз устраивал дебош со скандалом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.